

Статьи в газете «ПОЧИН»

ПОЧИН. Анархо-Кооперативный Листок.

Кооперация — научная практика взаимной помощи. *Элизе Реклю.*

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма. *Проф. Туган-Барановский.*

- Автономное правотворчество кооперации
- Деньги
- Концессии
- Что делать?
- Кооперативный общественный строй
- Коммунизм и кооперация
- Классовая борьба и кооперация
- Децентрализация собственности
- Общественные службы
- Налоги
- Внутренний товарообмен
- Этический закон труда
- Профессиональные союзы
- Классовая борьба
- Территориальность и анархизм
- Последние дни П.А. Кропоткина
- Отделение школы от государства
- Виды на будущее русской промышленности
- Децентрализация права

- Из воспоминаний и бесед с П.А. Кропоткиным
- "Революционная законность"
- Исповедь
- Из воспоминаний о П.А. Кропоткине
- Финансовый вопрос в социальной революции
- Налоги и революция
- К положению анархистов в России

Автономное правотворчество кооперации

1919, источник: [здесь](#)

У преддверия 20-го года 20-го века мы живем о Москве, как в дремучем бору. Общественная жизнь замкнулась по районам, по группам, по кружкам и с трудом просачивается из одной части города в другую. Нет свободной печати, этой пробудительницы мысли, — поработанной у нас «великой державы», признанной в своё время даже Бисмарком.

Случайно мне попала в глаза на столбцах одной недельной, ныне покойной газетки заметка, что в обществе юристов-кооператоров гр. Даль прочел доклад на тему об «автономном правотворчестве кооперации».

Каковы тезисы доклада гр. Даля, мне не привелось узнать, но само название многовещательно.

Автономное правотворчество — каков смысл этих слов?

Правотворчество или законодательство составляет прерогативу государственной власти. Автономное законодательство означало бы установление своих независимых законов, т.е. норм взаимоотношений той или другой группы людей, в государстве.

Существует ли где-либо такое, на первый взгляд парадоксальное явление?

Да, существует. В варварских государствах, в Турции, Персии, Китае и иных отсталых странах. Оно называется *капитуляцией*.

Сущность капитуляций заключается в том, что иностранцы, проживающие в упомянутых странах, изъяты из-под воздействия местных законов и подлежат юрисдикции своих стран, осуществляемой консулами.

В стране, древнейшей «культуры», в Персии, до сих пор применяются такие наказания, как отсечение кисти руки за кражи и поджоги, пригвождение за ухо к столбу за порнографию, отрезание ушной раковины и тому подобные возмездия, уж не говоря о систематическом применении колод в тюрьмах или публичном сечении по пятам. Пишущему эти строки пришлось, как врачу, самому лечить обрубки всех пяти пальцев правой руки у

заподозренного в поджоге юноши. После таких «операций» палач погружает обрубок члена в кипящую смолу, чтобы остановить кровотечение.

За такие преступления, как святотатство, вскрытие реликвий и мощей, виновным по меньшей мере вздернули бы головы назад железными крючками за ноздри и перерезали бы горло (приём смертной казни, практикуемый поныне в Персии).

Понятно, почему новейшие «цивилизованные» государства так упорно не отказываются от капитуляционных прав. Наши нынешние российские власти, столь великодушно отказавшиеся от прав на капитуляции, без сомнения, быстро отрезвились бы от своих самоопределятельных иллюзий, если бы находились в непосредственном общении с облагодетельствованными ими странами.

Но цивилизация от цивилизации отличаются лишь степенями. Если варварские калечения и иные телесные наказания изжиты европейскими странами, то сколько ещё сохранилось варварства в наших законодательствах и пенитенциальных приемах, одинаково как в капиталистических, так и в «социалистических» государствах! Тюремные заключения, ограничение в пище и литературе, принудительные работы, расстрелы заложников, смертная казнь...

А в области общественных служб и гражданских прав? Разве не варварство, чтобы ничтожная кучка людей, сговорившись в преступное сообщество — политическую партию, имела бы право и возможность направлять и уродовать по своему усмотрению и для целей своей партии, народное просвещение? Или обирать население произвольными налогами для своих партийно-государственных видов? Затруднять свободное передвижение людей разными паспортными системами? Или устраивать облавы?.. Всех диких пережитков, сохранившихся в современных государствах, не перечислить на столбцах маленького листка. Они — последствия основного варварского пережитка: государственной власти и государственного законодательства.

Если автономное правотворчество кооперации является требованием изъятия самодеятельности кооперации из сферы воздействия государственной власти, то такой лозунг можно лишь приветствовать.

Пора добиться прогрессивным течениям в современной жизни, в частности кооперации и профессиональным союзам, *капитуляций* со стороны государственной власти перед своими правовыми нормами.

Но капитуляции не даются добровольно, их нужно *взять* силой. Для этого кооперация, аполитичная, т.е. вне-партийная по своей природе, должна перестать быть политически мягкотелым организмом и ошестиниться всеми своими ресурсами против вмешательства государственной власти, *какого бы цвета она ни была*, в свои внутренние дела.

Право капитуляций в отсталых странах нужно не упразднить, а расширить, распространить на наш внутренний строй, на варварский пережиток — государственную власть.

Деньги

1919, источник: [здесь](#).

В ряду общественных служб, присвоенных государственной властью, так называемое эмиссионное право, т.е. исключительное право на выпуск денежных знаков, занимает не последнее место; между тем анархисты обыкновенно или обходят молчанием этот важный вопрос, или же разрешают наивным „упразднением денег“.

Уже на очень отдаленных ступенях цивилизации слитки ценных металлов — первообраз звонкой монеты — заменили натуральный товарообмен. В дальнейшем люди убедились, что и в звонкой монете нет надобности, достаточны письменные обязательства, основанные на доверии, т.е. векселя и чеки.

„Деньги, это — миф“, говорит Кропоткин шутя в приятельской беседе. Он долгие годы жил в Англии и почти не видел денег, кроме мелкой монеты. Труд его вознаграждался чеками, чеками же он расплачивался с поставщиками продуктов и за квартиру. Денежные знаки надобились лишь для самых мелких и случайных расходов.

Векселя и передаточные векселя (чеки на предъявителя) применялись с самых древних времен. Государственная власть присвоила монополию как на чеканку звонкой монеты, так и выпуска особых привилегированных векселей, — кредитных знаков, — для эксплуатации народа самым беззастенчивым образом, доходящим до прямой фальсификации.

В Персии, где в ходу серебряная и золотая монета разных царствований, стоимость их определяется не номиналом, а действительной ценностью металла.

А разве мелкая серебряная монета царского режима — серебряная более по названию — представляла из себя товарную ценность?

Разве западно-европейская никелевая и даже серебряная монета соответствуют своей действительной себестоимости?

Но поразительной степени достигает обман и обирание населения в „цивилизованных“ государствах при выпуске государственных кредитных знаков.

Кредитное доверие к государственной власти у всех народов очень относительно, а потому курс кредиток во всех странах колеблется. До каких крайних пределов может пасть доверие к государственной власти, мы это испытываем теперь на разных территориях расчлененной России независимо от их политического режима.

Понижение курса тяжело отражается на широких слоях населения, главным образом при оплате труда. Дороговизна не есть общее повышение стоимости продуктов и предметов потребления, а понижение ценности денег. На этой почве, судя по отрывочным казенным сведениям, в Западной Европе происходят волнения. Россия все сносит, ко всему ее приучила столь желанная для многих „твердая власть“.

Власть на деле всем доказала, что деньги — фикция.

Но фикция лишь в материальном отношении, в действительности — необходимая, очень полезная ценность в моральном, как знаки взаимного доверия.

Любопытно отметить на практическом примере опровержение предрассудка, будто доверием в эмиссионно-финансовом отношении должна пользоваться лишь государственная власть. В Персии выпуск кредитных знаков находится в руках частной английской акционерной компании под громким, но лживым названием „Императорский Банк Персии“.

Не уместно ли задать вопрос: если частная акционерная компания может пользоваться привилегией на эмиссию кредитных знаков в обширной стране с многомиллионным населением, то не правильно ли было бы изъять эмиссионное право из рук как партийных *правительств*, так и частных предпринимателей, и передать это право широким хозяйственным объединениям населения — кооперации?

Не заслуживает ли кооперация большего доверия, чем государственная власть, эта разоблаченная уголовная преступница, систематично фальсифицирующая деньги—товар и деньги—доверие?

Концессии

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Анархо-Кооперативный Листок. № 2, фев, С. 1.

Капитал подобен назойливой мухе: гонишь в дверь, влетает в окно. Октябрьская революция, долженствовавшая упразднить частный капитализм, действительно осуществила эту цель, по крайней мере по отношению к крупному капиталу. Но это „завоевание революции“ досталось ценой окончательного разрушения промышленности страны. Быть может, кое-какие отрасли национализированной промышленности уцелеют и возродятся. Царское правительство тоже имело казенные заводы и фабрики. Но, очевидно, мало надежды, чтобы государственная промышленность в ближайшем будущем смогла удовлетворить самые насущные потребности страны, а потому правящая партия пошла на крайние уступки, чтобы восстановить внешний товарообмен: она согласилась предоставить концессии иностранному капиталу.

Об этом возвестила официальная печать.

Итак, русский рабочий, находившийся под ярмом русских капиталистов, в ближайшем будущем будет эксплуатироваться иностранным капиталом.

Таков итог государственно-социалистического строительства, длящегося два с лишним года, и кровавых побед на всех внутренних фронтах.

В самом ли деле этот исход был неизбежен?

Да! „Великий опыт“, предпринятый большевиками, был заранее обречен на конечную неудачу, так как они пренебрегли самым существенным для производительности труда — живой душой рабочего, психологией трудящихся, и возомнили заменить человеческую личность и ее свободный творческий почин декретами.

Правящая партия даже не попыталась технически реорганизовать промышленность и взяла в свои руки лишь управление капиталистическими казармами, сооруженными при старом строе.

А между тем успех социальной революции целиком зависел от реорганизации промышленности на новом начале, — на начале, выявленном в технически более развитых странах.

Это — децентрализация промышленности. Она сближает рабочего с орудиями его труда, дает возможность труду и капиталу слиться в одних руках и тем повышает производительность труда до тех поразительных степеней, многочисленные примеры которых приводит Кропоткин в своем обстоятельном труде „Поля, фабрики и мастерские“.

Децентрализованная промышленность, объединенная на добровольных кооперативных началах, — вот ключ к разрешению социальной проблемы. Этого не поняли большевики в своем ослеплении властью, поэтому им приходится снова открывать окно, пробитое еще Петром I-м в западную Европу.

Что делать?

1920, источник: [здесь](#)

При последовательном изменении исторической обстановки перед прогрессивным меньшинством общества неизменно встает вопрос, настойчиво требующий ответа: *что делать?*

Этот вопрос теперь стоит в острой форме перед анархистами в Советской России и разрешается ими двояко.

Одни, еще не окончательно изверившиеся в возможность осуществить совместно с государственной властью хотя бы частицу свободных социалистических начал, проповедуют и практикуют сотрудничество с советской властью, находящейся в руках большевистской партии. Правда, они делают кое-какие оговорки и проявляют некоторую брезгливость, отказываясь служить в чрезвычайке и полиции, но это суть дела не изменяет; они остаются анархистами-„соглашателями“ и в конечном итоге становятся поборниками власти, так как всякая откровенная власть допускает единственное отношение к себе — безусловное подчинение.

Понятно, что такое разрешение вопроса не смогло удовлетворить более последовательных товарищей.

Другая часть анархистов, — по причинам, в рассмотрение которых несвоевременно теперь входить, — бросилась в противоположную крайность и вступила на путь открытой борьбы с советской властью, вплоть до принципиальной проповеди террора.

Но поскольку террор, как непосредственное воздействие на крайние проявления насилий и жестокостей, подобный бессмертному акту Вильгельма Теля, естествен и встречает всеобщее сочувствие, постолько террор, как *система*, так называемый безмотивный, огульный террор, кем бы он ни применялся, правительственной ли властью или отдельными группами и лицами, противен общественному чувству.

Тем не менее критика не ответ, не разрешение задачи: что же делать анархистам?

На этот вопрос мы ответим словами Кропоткина: — Я всегда говорил анархистам, когда они указывали на наши недостатки в том и в другом: „Faites mieux á côté“ (сделайте лучше рядом).

Учитель не только говорил, но он еще указывал, как *сделать лучше*.

Когда волна безмотивного террора захлестнула западно-европейское анархистское движение, то на столбцах „Temps Nouveaux“ он дал ответ на мучительный вопрос *что*

делать и направил бурлившую молодую энергию к более плодотворной деятельности.

— Идите в рабочие профессиональные союзы, — проповедывал он.

Анархисты пошли в профессиональные союзы и внесли в них дух самостоятельности. На Западе профессиональное движение не идет, как у нас, на поводу у правительственной власти и не плетется за той или другой помогающей власти политической партией.

Но если профессиональные союзы призваны ограждать интересы трудящихся масс, то кооперативы организуют их общие интересы помимо правительственной власти. Последнее особенно важно в переживаемую нами историческую эпоху расшатанности старых хозяйственных взаимоотношений классов и выдвинувшейся необходимости их перестройки на иных началах, за явной несостоятельностью правительственной власти справиться с задачей.

Если анархистское меньшинство желает оказывать практическое влияние на ход современного общественного развития, если мы тоже хотим сказать *свое слово*, то должны идти в оба широкие народные объединения для взаимной помощи — в профессиональные союзы и кооперативы.

Приспособляемость к прогрессу и тех, и других для нас лучшая порука, что наши усилия не останутся бесплодными.

Кооперативный общественный строй

1920, источник: [здесь](#)

„Кооперативное государство“, „кооператив наций“ — так назвали мыслители, которых в иную эпоху, менее фантастическую, чем наша, прозвали бы утопистами — предусматриваемый ими территориальный и международный общественный строй, основанный исключительно на добровольных кооперативных объединениях, без принудительной государственной власти.

Осуществима ли на практике такая форма общежития?

Сама жизнь ответила на этот вопрос. Общественное развитие, подобно биологическому миру, порой осуществляет сочетание условий, схожих с научно задуманными опытами для наблюдений.

Кооперативный общественный строй, т.е. такие порядки, при которых общественные службы были бы организованы не принудительной государственной властью, распределившей их между разными министерствами или, как теперь называют, комиссариатами, а добровольным объединением, — не диалектическая фантазия. Можно привести пример значительного территориального объединения, располагавшего громадными средствами для организации общественных служб на кооперативных началах. Правда, участниками этого кооперативного объединения были главным образом промышленные акционерные общества, но разве они не являются кооперацией, приспособленной к интересам капиталистов? То, что было осуществлено кооперативами капиталистов, почему не может быть достигнуто кооперативами в прямом значении слова, кооперативами производящих и потребляющих масс?

Пример, на который я хочу сослаться, это — Бакинский нефтепромышленный район.

Всем памятна косность, неуклюжесть, медлительность старой самодержавной власти в деле организации общественных служб и их поддержания, а между тем кипучая жизнь нефтепромышленного района требовала особой эластичности, быстроты в решениях и практичности в исполнении для того, чтобы сделать обитаемым под палящими лучами южного солнца пустынный, песчаный, безводный Апшеронский полуостров.

Само существование нефтяной промышленности зависело от хорошей организации общественных служб. Нужно было возможно наилучшим образом организовать водоснабжение, канализацию, пути сообщений, школы, медицинскую помощь, социальное

обеспечение на случай потери или уменьшения трудоспособности и т.д. Одних высоких зарплаток не было бы достаточно, чтобы привлечь рабочие руки в район добычи и обработки нефти.

За непригодностью государственной бюрократии перед нефтепромышленниками стояла крупная общественная задача: создать свой социальный строй.

И вот, они поступили так же, как поступают кооперативные организации для согласования и объединения своей деятельности: они съехались на съезд. На съезде выбрали Совет. Как видит читатель, идея советов не нова и не русской революцией создана система советского общественного строя. Промышленники осуществили свой советский строй в более практических, более жизнеспособных формах, чем государственные социалисты, ибо их строй покоился не на грубом насилии, не на власти, а на добровольном объединении. К выборному Совету примкнули только те фирмы, которые добровольно изъявили на это согласие. Подавляющее большинство промыслов объединилось вокруг Совета, но были и отщепенцы, которые остались в стороне.

Совет Съезда Нефтепромышленников получил от своих избирателей мандат организовать самостоятельно общественные службы и для этого добиться от правительства своего рода экстерриториальности для нефтепромышленного района. Явление знаменательное: самодержавная власть, ревниво оберегавшая свои прерогативы даже от умеренно-либеральной государственной Думы, сдалась перед Советом. Этим самым она признала то, что не успели еще понять наши нынешние власти: всю непригодность бюрократической системы, неспособной никогда идти в ногу с развивающимися общественными потребностями, с прогрессом.

Закипела работа. Общественная инициатива, освобожденная от спуда государственной власти, быстро организовала на своей территории главнейшие общественные службы и совершенствовала их из году в год. Больницы и школы Совета были образцовыми и скорее, чем где-либо в России применяли у себя все усовершенствования и изобретения медицинской науки и педагогических приемов. Нормы социального обеспечения превосходили ставки в других отраслях промышленности страны. С нынешней пародией на государственное социальное обеспечение и сравнить не приходится.

А средства?

Средства слагались не принудительными и косвенными налогами, а добровольным самообложением.

Каждая примкнувшая к Совету фирма вносила в общую казну установленное копеечное отчисление с пуда добытой нефти и пользовалась безвозмездно для своих рабочих и служащих всеми общественными службами. Немногочисленные предприятия, не примкнувшие к Совету Съездов, платили за это пользование по мере надобности по известным ставкам.

Указывая на этот практический пример превосходства свободного территориального кооперативного объединения над бюрократической государственностью, я не имею в виду

идеализировать его в целом и привожу лишь как поучительный урок.

Многому мы можем и должны научиться у капиталистического строя.

С другой стороны, переживаемый нами принудительный Советский строй не менее поучителен с отрицательной стороны, как порожденный не классовой борьбой — ибо здоровая классовая борьба не попирает завоевания общечеловеческой этики, а тройным проклятием — тройной войной; войной международной, междоусобной и гражданской.

Пример Бакинского Совета, — не большевистского, воспроизведшего лишь новый вариант строя принудительной государственности, а капиталистического, осуществившего, пусть не в полной мере, добровольный кооперативный общественный строй — нам показывает, в каком направлении искать осуществление нашего анархического идеала. Если верно, что „кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма“ (Туган-Барановский), то не менее верно и то, что кооперация — практическая основа анархизма.

Коммунизм и кооперация

1920, источник: [здесь](#)

Эти два понятия на первый взгляд друг друга взаимно исключают. И действительно, если под коммунизмом понимать теорию и в особенности российскую практику государственного коммунизма, то нет ничего более противоречивого, чем государственный коммунизм и кооперация.

Последняя целиком зиждется на праве мелкой, хотя и объединенной, но все же частной собственности, тогда как государственный коммунизм отрицает всякую собственность, кроме государственной; он распространяет это отрицание также на трудовую собственность мелкого производителя — крестьянина (отбирание так называемых „излишков“) и более того, — даже на самый личный труд всего народа (всеобщая *принудительная* трудовая повинность).

Но если вникнуть в сущность коммунизма, выраженную в общепринятой классической формуле, данной Луи Бланом: „от каждого по его способностям, каждому по его потребностям“, то мы убедимся, что коммунизм в сущности совпадает с понятием о взаимной помощи и этим самым вплотную подходит к одной из форм кооперации — к *взаимному страхованию*.

Кооперация осуществляет сознательно, *научно и организовано*, то, что практиковалось в эволюции человечества более или менее случайно по инстинктивным этическим побуждениям.

В самом деле, что означает взаимное страхование? Смысл его тот, что пока ты трудоспособен, ты уделяешь некоторую долю продуктов своего труда в „общий котел“, часть заработка в общую кассу, из которой наделяются утратившие трудоспособность. Когда тебя постигнет та же участь, от несчастного стечения обстоятельств или от старости, то ты будешь обеспечен в том же порядке. С тебя не спросят, сколько ты внес в общую кассу, достаточно, что ты это делал, пока имел возможность и *способность*, чтобы наделить тебя по твоим *потребностям*, в предусмотренной равной мере с другими.

В то время, как государственный коммунизм обещает все всем, а на деле только мешает созидательному почину личности и тем понижает как производительность труда, так и общий уровень благосостояния, взаимное страхование, исходя от свободной личности, способствует скоплению общественных богатств и этим путем повышает средний уровень благосостояния трудящихся, и их обеспеченность.

Государственный коммунизм неосуществим в *международной* форме и несовместим с федерализмом, так как он тяготеет к хозяйственной централизации производства не только

в национальном, но и в мировом масштабе. Государственный коммунизм *по своей сущности империалистичен.*

Кооперативный же коммунизм, — взаимное страхование, — напротив, не связывает свою судьбу с территориальными границами. Возникая повсюду, он переплетается в сети вольных союзов на истинных федеративных началах, объединяется через государственные границы и способен проникнуть мирным путем в жизнь даже отсталых народов, тогда как государственный коммунизм *фактически* исключает последние из сферы своего влияния, устанавливая „дружественные“ отношения с правительством таких азиатских деспотов, как афганские эмиры.

Истинный международный федеративный коммунизм осуществляет анархическая кооперация, а не государственный социализм.

Классовая борьба и кооперация

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Анархо-Кооперативный Листок. № 4, апр, с. 2-3.

Много споров и горячих обсуждений вызвал вопрос: являются ли кооперативы классовыми или внеклассовыми организациями?

Разрешение этого вопроса имеет большое практическое значение. В первом случае кооперация должна стать средством в борьбе классов, во втором — фактором объединения классов.

Этот спор, как и обыкновенно всякие иные, легче было бы разрешить, если бы спорящие стороны вкладывали одинаковое, определенное содержание в понятия, о которых спорят.

Из всех определений, данных кооперации, одно только не обсуждалось до сих пор в литературе. Это — определение, данное Элизе Реклю. Сказанное мельком, в брошюре по иному вопросу¹, оно прошло незамеченным, а между тем это определение проливает новый свет в запутанный спор.

«Кооперация — научная практика взаимной помощи», — говорит Реклю; следовательно, она является практической, прикладной наукой, подобно медицине, агрономии, архитектуре и т.д.

Говорить о классовой науке могут лишь демагоги, изобретшие «советскую медицину», но нет сомнения, что прикладная наука приобретает тот или иной характер в зависимости от социальных условий, при которых она применяется. Средства лечения какого либо богача (капиталиста) или комиссара («ответственного работника», живущего в благоустроенном «Доме Советов»), совсем иные, чем бедняка в убогой обстановке или захудалого неквалифицированного «товарища»-рабочего.

Так и в кооперации. В зависимости от социальной среды, в которой она возникает, в соответствии с интересами класса, которые она обслуживает, кооперация принимает ту или другую форму, но сущность ее одинакова: сознательно, обдуманно научными приемами она стремится осуществить взаимную помощь между своими членами.

Определение, данное Элизе Реклю, просто разрешает и другой расплывчатый спор — о различии между кооперацией и акционерными обществами. Последние являются попросту кооперативами, обслуживающими интересы капиталистов.

Из сказанного следует, что кооперация, как прикладная наука, едина и лишь принимает ту или иную форму, в зависимости от общественных условий жизни ее участников. Отсюда вытекает и вывод: кооперация является средством в классовой борьбе.

Но что представляет из себя класс и какова сущность классовой борьбы?

Если всмотреться в историческое прошлое, то легко выяснить, что классы (касты, цехи, сословия) представляли, и продолжают представлять, профессиональные подразделения общества, обусловленные разделением труда. Борьба классов приводила всегда к господству одного или нескольких классов над остальными, т.е. к власти.

Но классовая борьба не единственный закон исторического развития. Параллельно с ним действует и другой закон, не меньшей важности, формулированный тем же всемирно признанным ученым, Элизе Реклю, и совершенно игнорируемый не только социалистами, но и самими анархистами. Это — закон искания равновесия между классами².

Борьба классов приводила всегда к установлению более или менее устойчивого равновесия между ними. Но равновесие между классами, т.е. между профессиональными расслоениями общества, не означает еще их равноправия. Классовая борьба обостряется именно существованием неравенства в достигнутом равновесии. При постепенном повышении уровня развития человеческой личности, эта борьба тяготеет к установлению равноправного равновесия между классами.

Очевидно, так именно и понимал классовую борьбу Бакунин, вписавший в первоначальный устав «Международного Союза Социалистической Демократии» требование общественного, политического и экономического уравнивания классов.

Утверждение, выдвигаемое социалистами-государственниками, будто после захвата политической власти промышленным пролетариатом классовая борьба прекратится, явная нелепость. Законы общественного развития, подобно законам физическим и биологическим, не прекращают своего действия. До тех пор, пока будут существовать разделение труда и последующее расслоение общества на профессиональные категории, — на классы, — борьба, в виде ли открытого столкновения между классами (гражданская война) или в форме соперничества и соревнования (классовая борьба в собственном смысле слова) будет продолжаться. В этой борьбе классы, утратившие свою общественно-полезную роль, исчезают, разлагаются и ассимилируются другими классами, или видоизменяются, приспособляясь к новым господствующим классам.

Кооперация, являясь фактором классового объединения в хозяйственном отношении, одновременно ищет пути справедливого согласования противоречивых общественных интересов в основных задачах производства, обмена, распределения народных богатств и организации общественных служб. Кооперация стремится к этому не сохранением старых форм хозяйственных взаимоотношений, а сознательным, научно продуманным исканием новых путей для осуществления основного требования этики — справедливости в равенстве. Не простая случайность, что основателями современной кооперации были

предтечи социализма.

Таким образом, кооперация, с одной стороны, является организующим классовым фактором в общественной борьбе, а с другой — способствует созданию равноправного равновесия между классами, и тем ведет к устранению господства одних классов над другими, следовательно и к упразднению государственной власти.

Примечания

1. „Эволюция, революция и идеал анархизма“.
2. „Человек и земля“, т. 1, предисловие.

Децентрализация собственности

1920, источник: [здесь](#)

Важный фактор эволюции, взаимная помощь, распространяется на все стороны развития общественной жизни. Свободная конкуренция в капиталистическом хозяйстве между собственностью разных размеров привела не к поглощению мелкого капитала крупным, а к его объединению для борьбы с крупными капиталистами.

Мало того, теперь с уверенностью можно указать, что мелкий капитал поглотил крупный. Если вникнуть в сущность современного капиталистического хозяйства, то окажется, что миллионные и миллиардные состояния — чистая фикция.

Один близкий мне родной, ныне покойный, пронизательный наблюдатель жизни, говорил: «О размере состояния купца можно судить только после того, как он обанкротится».

То же самое можно сказать о всех более или менее крупных капиталистах. Если подвести баланс имуществу и долгам всех этих умопомрачительных миллионных и миллиардных состояний, — прямым долгам или, в виде паевых вкладов, — то в итоге на долю собственника, выпадет сравнительно скромная доля.

Современный крупный капиталист не является единоличным *владельцем*, а лишь *управляющим* (и то не всегда облеченный неограниченными полномочиями) находящейся в его распоряжении собственности. Он вынужден считаться с разными выборными «советами» со стороны вкладчиков паев, а самостоятельный капиталист, в случае неумелого ведения дел, попадает под прямую опеку «администрации», назначаемой кредиторами.

Но кто же является в конечном счете собственником всех этих колоссальных богатств, наличие которых не представляет такой же миф, как существование частных владельцев огромных капиталов?

Достаточно бросить самый беглый взгляд на историю возникновения современных крупных хозяйственных предприятий, чтобы ответить на этот вопрос.

Хозяевами-владельцами крупных капиталов являются мелкие вкладчики.

Мелкие вклады имеют своим источником мелкие сбережения трудящихся.

Зародившись из *предвидения*, собственность стремится объединиться со своим первоисточником — с *трудом*.

Но владельцы мелких сбережений не умеют использовать сами свой капитал, а потому передают его предприимчивым аферистам, дельцам, которые, приемами наемного труда, эксплуатируют отсталые народы, массу беднейших трудящихся и самих вкладчиков.

Не будь материальной заинтересованности широких слоев населения, капиталистический строй не мог бы так стойко держаться в передовых странах, распространяться вопиющими колониальными насилиями и разрешать столкновения своих интересов кровавыми войнами.

Конец капиталистическому общественному хозяйству наступит не от неоправдавшейся концентрации капиталов в ограниченных руках, а вследствие новейшей эволюции собственности и техники производства.

Техническая децентрализация производства облегчает объединение трудовых сберегателей в трудовые артели, помимо предприимчивых дельцов, неправильно называемых капиталистами, в то время как они являются попросту более или менее недобросовестными управляющими чужими капиталами.

Конец капитализма в производстве, — как частно-капиталистическом, так и государственном, — наступит от развития артельной производительной кооперации.

Государственный социализм не является упразднением капитализма (системы наемного труда), а лишь его огосударствлением.

Государственный социализм централизует одновременно собственность и власть в руках чиновников.

Кооперация же является строго последовательной федеративной децентрализацией как собственности, так и общественного права в руках основной составной части человеческого общества — производящей личности.

Чтобы подвести практическую основу под идеал кооперации — анархизм, нужно стать по отношению к собственности на точку зрения *кооперативной собственности*.

Признавая частную собственность на орудия индивидуального труда и предметы потребления, мы, анархисты, должны признать без оговорок право личной собственности при ее объединении для коллективного производства и организации потребления.

Это — единственный практический путь, который поднимет производительность труда до таких высоких пределов, что институт собственности постепенно потеряет свой эгоистичный характер, так как «наши богатства» будут в состоянии удовлетворять текущие и будущие потребности не только высоко культурных народов, но и наших отсталых родственных племен, к которым нас будет влечь не материальная заинтересованность, не жажда наживы, а чувство общечеловеческой взаимной помощи, возвещенное нам древнейшей философской мыслью в религиозных формах и ныне научно изученное

Кропоткиным.

Общественные службы

1920, источник: [здесь](#)

Одним из крупных пробелов современной политической экономики является то, что она не включила в предмет своего изучения общественные службы. В процессах производства, обмена и распределения народных богатств общественные службы всегда играли выдающуюся роль. Если задача прикладной политической экономики «изучение потребностей людей и способов их удовлетворения с наименьшею непроизводительною тратой сил» (Кропоткин), то нет сомнения, что эта цель достигается главным образом развитием общественных служб.

Во время мировой войны «старый профессор политической экономики», — так назвал себя Шарль Жид, — пришел к выводу: «ныне ниспровергается все, чему мы учили».

Если бы в политической экономике не было указанного пробела, то мировая катастрофа ничего бы в ней не разрушила: она подчеркнула бы лишний раз всю пагубную роль государственной власти, вмешивающейся в хозяйственную жизнь народов не только в военное время, но и при обычной обстановке, посредством присвоения монополии на общественные службы.

С другой стороны чудовищный опыт, производимый в России государственной властью, окончательно лишает современную политическую экономию предмета ее изучения. Сложные законы науки об общественном хозяйстве, вытекающие из физиологических умственных и моральных свойств и потребностей человека, власть претендует заменить жалкими канцелярскими декретами. Она стремится превратить все живые процессы производства, обмена и распределения богатств в абсурдные по своей централизации общественные службы, подведомственные ее бюрократическим органам.

Не осталось ни одной потребности, ни одного уголка личной жизни, в которую власть не вмешивалась. Она мнит «нормировать» каждый кусок хлеба, подносимый ко рту, каждый фут воздуха в жилищах, каждую мысль в нашей умственной жизни; и все это — грубым принуждением и суровыми карательными мерами.

Положение крестьян до 1861 года едва ли было во всех отношениях хуже. Все же мы, анархисты, не унываем, мы верим в наше 19 февраля, но на этот раз не декретированное сверху, — властью, какого бы цвета она ни была, — а добытое снизу.

Если бы политическая экономика изучала общественные службы, она могла бы нам дать указания, как предохранить хозяйственную жизнь общества от государственной власти, то низвергающей народы в пучину кровавых и разорительных войн, то подвергающих их законодательным безумиям.

Для освобождения хозяйственного развития человечества от пагубного воздействия государственной власти нужно познать технику власти, ее нехитрую механику, обуславливающую ее силу.

В нашу эпоху власть, опирающаяся исключительно на прямые насилия, не могла бы, технически не была бы в состоянии просуществовать.

Власть сильна тем, что присвоила монополию на общественные службы.

Знаток истории во времени и пространстве, Элизе Реклю, признает одним из законов исторического развития — *стремление к свободе личности.*

К свободе от кого? Понятно, от власти.

Личность не может достичь свободы, но освободив от опеки правительственной власти удовлетворение своих общих с другими людьми потребностей — общественных служб.

Видя монополию на общественные службы в руках правительственной власти, многие образованные и даже ученые люди полагают, что эти службы не могут иначе функционировать. Неразрешимую проблему власти, т.е. почему власть должна находиться в руках тех, а не других лиц, они обходят тем, что, мол, кому-нибудь да следует руководить общественными службами.

Нужно полное неведение о том, как зародились и развились общественные службы, чтобы приписывать государственной власти какую-либо организационную роль.

Не со вчерашнего дня возникли общественные потребности в народном просвещении, путях сообщений, почте, правосудии, однородных монетных знаках для товарообмена, даже в распределении главных продуктов питания и т.д.

Все эти службы были созданы частным почином и кооперативным согласованием личных усилий в общественные организации. Правительственная же власть лишь налагала на них, по мере их развития, свою тяжелую, мертвящую руку, чтобы закрепить эксплуататорские привилегии за господствующими классами или использовать общественные службы для упрочения своего собственного господства.

В переживаемое нами время ярким примером сказанному служит трагическая неравная борьба кооперации с социалистической властью.

Неспособная организовать распределение продуктов, потерпев при своих самостоятельных попытках в этой области полный провал, правительственная власть стремится *подчинить* себе испытанные по своей практичности органы потребительской кооперации.

На это выдающееся явление современной жизни мы, анархисты, не обращаем должного внимания. Практическое бессилие анархистского движения вытекает из того, что мы не противопоставляем *практическому захвату* общественных служб государственной властью *практические же средства* для ограждения их независимого существования и развития. Все

общественные службы, закрепощенные властью, должны реорганизоваться там, в «будущем», каким-то чудом, «народным творчеством», народной самодеятельностью», а когда это творчество, эта самодеятельность на наших глазах губится властью в виде порабощения кооперации, попирания ее свободных начал, то анархисты проходят мимо, как будто это их не касается, или ограничиваются мимоходом брошенными платоническими пожеланиями.

Другой пример. Когда та же власть разогнала Всероссийский Профессиональный Союз учителей, выставивший еще при Временном Правительстве требование полной самостоятельности народного просвещения, формулированное К. Вентцелем в лозунге «отделение школы от государства», то анархисты не обратили даже внимания на этот вопиющий разгром практического проявления их учения в этой важной области жизни, а между тем сколько чернил было пролито по поводу реквизиции у экспроприаторов Купеческого Клуба в Москве более сильным экспроприатором — государственной властью, и разоружения печальной памяти «Черной Гвардии»[1]!

История возникновения и развития общественных служб и их подчинения себе государственной властью заслуживала бы особого изучения под углом зрения нашего учения. К сожалению я не располагаю для этого ни средствами, ни временем, поглощенный в нашем «коммунистическом отечестве» добыванием средств для существования. Ограничусь по этому предмету своими сравнительными наблюдениями и впечатлениями, вынесенными из долголетнего пребывания в разных странах в качестве эмигранта.

Несколько слов о народном просвещении.

Народное просвещение в Персии до сих пор предоставлено частной инициативе, кроме некоторых учреждений в столице. Бесчисленные муллы и ахунды на каждой улице, на каждом перекрестке в городах, в каждой деревне, в каждом поселке или любой небольшой группе хижин, обучают детвору грамоте. Любопытное явление для Востока: обучение мальчиков и девочек совместное. Мне, как врачу, приходилось немало разъезжать по стране. Впечатление у меня таково, что грамотность, — примитивная по своим методам преподавания, быстро забываемая, — более распространена в Персии, чем в России.

Более высоко и столь же независимо от государственной власти было организовано начальное народное просвещение у закавказских армян. Многочисленные общинные школы, непосредственно поддерживаемые самим населением, *без всякой правительственной субсидии*, и руководимые коллективами учителей, обеспечивали детям начальное образование, нередко приближавшееся к среднему. Эти школы укрывались при самодержавии от посягательств власти под щитом церковно-приходских.

Тут уже статистика показала, что грамотность среди армян бывшей Российской Империи была более распространена, чем у державной нации, ближе взятой под правительственную опеку.

В начале 900-х годов царское правительство попыталось было наложить свою тяжелую десницу на фактически *отделенную от государства* армянскую школу, но единодушный

активный протест всего народа, без различия классов, заставил отступить от своих притязаний даже самодержавную власть[2].

Другой, более высокий, тип учебных заведений представляют «школы преподавателей», возникавшие в больших городах России и за границей.

Не являясь капиталистическими предприятиями, как многие частные училища, приспособившиеся к правительственным типам, школы преподавателей представляли из себя артельные, кооперативные начинания работников по народному просвещению; в них артели учителей, пользуясь значительной независимостью, применяли свои профессиональные познания, опыт и личный почин в деле совершенствования приемов преподавания и воспитания. Всем известно, насколько высоко ценились развитыми слоями населения эти артельные школы.

Достоин внимания, что высшие школы и университеты, даже в демократической Западной Европе, стремятся освободиться от застаивающей опеки государственной власти. Примером тому служит Новый Брюссельский Университет, в котором читал лекции также Элизе Реклю.

Университет имени Шанявского и недавно учрежденный в Москве Кооперативный Институт, не успевший, к сожалению, вполне организовать, представляют другие примеры, как возникают на наших глазах общественной самодеятельностью даже высшие учреждения народного просвещения, и способны бывают свободно развиваться, пока правительственная власть не берет их под свою бюрократическую опеку.

Народная самодеятельность бьет ключом в общественной жизни и каптируется государственной властью, а мы, анархисты, всё спорим о платформе для объединения, как будто анархизм может иметь свою особую платформу помимо реальной жизни, ее будничных запросов, где-то там, в диалектическом предугадывании ее будущих форм!

В задачу настоящей статьи не входит изучение возникновения и развития всех общественных служб; даже беглый обзор в этой области потребовал бы слишком много времени и специальных изысканий, недоступной роскоши в наше время «организованного понижения культуры».

Здесь я бы хотел подчеркнуть одну особенность общественных служб: *их свободное развитие, с самого их зарождения, ведет к коммунизму*. Государственная власть вмешивается в дело организации общественных служб лишь для того, чтобы их использовать для классовых и своих собственных обособленных интересов.

Анархистский коммунизм не идеал будущего, а действенная сила, возникшая испокон веков и всё совершенствующаяся в своих формах в процессе безостановочного развития.

На моей родине, когда кому-нибудь нужно перейти через разбушевавшийся в бурный поток горный ручеек, он сваливает вблизи растущее дерево через овраг и проходит по импровизированному мосту. Мостик остается, кто-либо другой приспособляет жердь, чтобы женщины и дети придерживались за нее, и этот примитивный путь сообщений поступает в безвозмездное общее пользование.

В Персии, в этой стране своеобразных горбатых мостов, множество этих подсобных путей сообщения; они были когда-то кем-то выстроены и поступили во всеобщее пользование. Сооружались они обычно коллективным (кооперативным, сказали бы европейцы) объединением жителей округи или частной инициативой. Вначале для покрытия затрат обычно взимается особая плата за пользование мостом. Поколение, видевшее сооружение, охотно вносит сбор. С течением времени, по мере погашения затрат, мосты переходят в общее безвозмездное пользование, если только правительственная власть не закрепляет первоначально справедливые сборы в эксплуататорскую привилегию или сама присваивает эту привилегию (подобно сборам за более известные европейцам мосты в Константинополе).

Подобным же образом сооружались в Персии *мощные* дороги.

А разве наши проселочные и многие шоссейные и железные дороги возникали не тем же путем общинного и частного почина? Правительственная власть берет в свои руки дело руководства путями сообщений лишь для того, чтобы *временные* справедливые сборы и небольшие расходы по их поддержанию превратить в эксплуататорские доходы для привилегированных предпринимателей или в постоянные принудительные *налоги* в свою пользу.

Государственная власть — не средство для осуществления коммунизма, как мнят это социалисты-государственники, а прямой путь к осуществлению привилегий, к извращению коммунистического развития.

Разве наш государственный коммунистический опыт не достаточно это доказал, превратив промышленных рабочих в паразитов, опекаемых правительственной властью и насильственно требующих от крестьянства все продукты питания *по своим потребностям*, но не дающим деревне ничего, или почти ничего взамен?

Борьба классов — на этот раз пролетариата с крестьянством — у нас на полном ходу.

Не менее характерно возникновение водоснабжения в маловодной Передней Азии. Там малейший источник у большой и проселочной дороги приспособлен для общего пользования. Тут вы встретите разные типы приспособлений, начиная от простого углубления в грунте до сложных и изящных каменных и даже мраморных сооружений с водопроводами, закрытыми резервуарами, медными кранами и высеченными из цельного камня колодами для лошадей. Все пользуются этими источниками, и лишь изветрившиеся надписи напоминают о коммунистической психологии у инициаторов этих сооружений общественного пользования.

Коммунизм настолько свойствен человеческой психологии, что проявляется даже там, где меньше всего можно было бы ожидать. Все лучшие московские клиники и больницы, поразившие даже западно-европейских врачей во время международного медицинского съезда, созданы не государственной властью, а личным почином московских купцов и купчих.

К какому упадку и дезорганизации привела их власть, называющая себя социалистической, лишив общественные учреждения животворящих забот личной инициативы и духа общечеловеческой взаимопомощи, мы убедились в этом на плачевном опыте большевистских «национализаций» и «муниципализаций».

Общественные службы возникали и развивались кооперативным объединением индивидуальных усилий.

Если бы политическая экономия включила в область своего изучения общественные службы, то она неизбежно пришла бы к выводу: *самое необходимое условие для достижения удовлетворения потребностей людей с наименьшею непроизводительною тратой сил, это — отделение общественных служб от государства.*

Примечания

[1] Купеческий Клуб имели право экспроприировать только сами наемные служащие этого прекрасно оборудованного учреждения, превратив его из закрытого привилегированного дома для азарта и чревоугодничества в общедоступную столовую, библиотеку-читальню и место здоровых развлечений. Ныне Купеческий Клуб снова стал гнездом другого азарта — жажды власти, школы партийных агитаторов.

[2] Общинные школы армянских колоний, существовавшие во многих больших городах европейской России, ныне загублены все принижающей и мертвящей своей бюрократической централизацией большевистской властью. То, чего не добилось самодержавие, осуществили социалисты.

Налоги

1920, источник: [здесь](#)

Откуда возникли *налоги*, эти периодические *принудительные сборы*, производимые государственной властью?

Существует особый отдел политической экономии, трактующий о налогах. Он называется «наукой о финансах».

Непонятно, о какой науке может быть речь, когда дело идет о насилии, о прямом или косвенном принуждении?

Разве только — об изучении, как возникло и в какие формы вылилось это насилие.

Проф. Хэней полагает, что при распадении феодального строя и росте централизации государства «доходов от королевских имений и от религии уже не хватало для всё растущих государственных расходов, так что появилось необходимость в налоговом обложении»[1].

Такая альтруистическая *теория налогов*, как предположение, что первоначально королевская власть расходовала свои собственные, уже закрепленные принуждением и суеверием доходы на общегосударственные народные нужды, мало правдоподобно.

Налоги, или вернее то, что стало со временем податным принуждением, более раннего происхождения. Они возникли из *добровольных сборов* при зарождении общественных служб. По мере того, как последние развивались, представители власти, — те самые короли, о которых говорит проф. Хэней, — присваивали монополию на общественные службы именно, *чтобы увеличить свои личные доходы*, превращением добровольных сборов в принудительные налоги, поступавшие в их распоряжение.

Не государственная, общенародная польза лежит в основе налогов, а кастовые и классовые интересы.

Королевский род, снимая сливки с налоговых сборов, давал возможность поживиться и своим посредникам, бывшим феодалам, сдавая им их на откуп (как это практикуется до наших дней в некоторых азиатских государствах) или постепенно превратив их в покорных чиновников.

Королевская власть не сама создавала общественные службы для общей пользы народа, а лишь закрепощала их.

Подтверждением сказанному о происхождении налогов служит то, что в одной очень скромной, но все же полезной для народного хозяйства общественной службе, — которую государственная власть пренебрегла и не подчинила своему руководству, — периодические сборы продолжают носить совершенно добровольный характер. Это — общественная пастьба скота, сохранившая до нашего времени добровольный характер в деревнях и провинциальных городах многих стран.

Эту незамысловатую общественную службу исполняют один или несколько пастухов, организованных в артель; плату за свои труды они взимают со всех *по добровольному соглашению*, отчасти натурой, отчасти деньгами.

На первоначально добровольное происхождение сборов, превращенных со временем в принудительные налоги, указывает сохранившаяся до сих пор в персидских городах система оплаты труда ночных сторожей. Назначаемые полицейскими властями, они собирают сами ежемесячно свое жалованье с населения по известной норме.

Во время своего пребывания в Англии, П.А. Кропоткин был как-то раз удивлен, встретив в воскресный день одного своего знакомого в своеобразной форме. Тот объяснил, что состоит заведующим пожарной командой и приедется, чтобы обойти местное население для сбора добровольных взносов на ее содержание.

Наконец, возникновение в новейшее время в высоко-культурной стране, как Северная Америка, независимо от государственной власти такой общественной службы, как охрана общественной безопасности, — считающаяся специфически государственной прерогативой, — на начале добровольных сборов, еще более подтверждает наше предположение.

В Нью-Йорке, наряду с государственной полицией, существует своего рода кооперативная полиция. Возникла она по почину ювелиров, нанимавших в складчину особых ночных сторожей для охраны своих магазинов, а затем распространилась в городе и развилась в хорошо организованную независимую общественную службу.

Поучительные попытки в этом направлении были сделаны в русских городах в течение нынешней революции домовыми комитетами не только для организации общественной безопасности, но и иных общественных служб (медико-санитарной помощи, народного просвещения и т.д.). К сожалению, эти попытки были разрушены в самом зародыше государственной властью.

Давно пора отбросить предрассудок, будто государственная власть играет какую-то незаменимую полезную роль в деле организации общественных служб, и перестать этим оправдывать налоги. «Теория финансов», — теория для оправдания насилий, — не выдерживает критики. Захватывая общественные службы, государственная власть не повышает, а принижает их организацию; она мешает свободному развитию и совершенствованию дела обслуживания общих потребностей людей.

Свободная кооперативная организация общественных служб способна и должна вытеснить государственную власть из этой области, вырвав из ее рук монополию на общественные службы.

Отделение общественных служб от государственной власти должно быть полным, должно охватить не только организационную, но и финансовую сторону задачи; иначе оно и не осуществимо.

Тогда, подобно тому, как в сказке, все убедятся, что бесполезно дольше притворяться, будто король не гол. Государственные финансы потеряют свою «теорию» и налоги предстанут перед глазами всех в своем естественном виде — голыми насилиями.

Развить и распространить это понимание сущности налогов в сознании масс — лучшее средство подготовить их упразднение. Ясно сознанная мысль — сила, ждущая лишь благоприятного момента для своего проявления.

Так готовятся все революции.

Примечания

[1] «История экон. учений в древ. и ср. век.».

Внутренний товарообмен

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Кооперация. — Синдикализм. — Этика. № 7., июль, с. 1-2.

Современная Россия, подобно Дантовскому аду, вымощена благими намерениями своих правителей. Несмотря на все наше отрицательное отношение ко всякой государственной власти, мы ни минуты не сомневаемся, что в основе всей продовольственной политики правительства, которой подчинен внутренний товарообмен, лежит желание блага народу. Но одного желания мало, нужно уметь творить добро.

Нас, анархистов, менее всего можно заподозрить в мягком отношении к частной скупнической торговле. Всякая торговля, не имеющая целью прямое потребление, есть спекуляция.

Вся разница между кооперативной торговлей и частной, капиталистической, заключается в том, что первая имеет в виду непосредственное снабжение своих членов по себестоимости, а не вольный рынок, рассчитанный на спрос и предложение для определения цен.

Если порой кооперация допускала нарушение своего основного начала — снабжать только своих членов, — и вступала на путь частной торговли, то это говорит против искажения кооперации, а не против нее самой.

Кооперация — единственный, на деле с успехом испытанный путь к социализации товарообмена. Государственный продовольственный аппарат достаточно доказал свою непригодность в задачах правильного товарообмена и справедливого распределения продуктов. При полном обесценении кредитных денег, — являющемся не следствием революционности, как льстит себе наркомфин, а игнорирования законов политической экономии, — наше продовольственное дело зиждется на прямой и косвенной натурализации налогов. „Твердые цены“, — по существу, те же, плохо замаскированные налоги. Что государственный аппарат может при этой системе кое-что раздобыть для населения, и в особенности для своих чиновников, в этом нет сомнения. Но чтобы он мог хорошо и полностью удовлетворять насущные потребности народа, последнее более чем сомнительно.

Государство всегда было не только плохим хозяином, но еще худшим из торговцев.

Возлагать надежды на постепенное приобретение опыта и улучшение системы — недопустимо. Нельзя населению питаться с перерывами или безнаказанно недоедать в течение продолжительного времени.

Недаром председатель Московского Совета предупреждал своих товарищей по власти, что если они строго проведут запрещение частного товарообмена, то смертность повысится.

Жаль только, что он не выяснил, насколько вымирание народа усилилось благодаря даже половинчатым мероприятием по проведению монополии на нормированные продукты.

Это за него сделал другой.

По результатам работ одного санитарного врача оказывается, что во Владимирской губернии идет вымирание населения, главным образом городов: смертность превышает рождаемость на 11%. Эти результаты были доложены губернскому съезду врачей, имевшему место в начале июня т.г.

Не лучше ли было бы доучиться у немцев, выдумавших государственное снабжение населения? Во время своего хозяйничания на Украине они не отбирали у жителей нормированные продукты, как это делают наши заградительные отряды, а лишь выписывали их из продовольственных списков на соответствующий срок.

Если государственный аппарат не в состоянии снабжать население даже минимальным количеством таких продуктов первой необходимости, как жиры и белки, — оно на самом деле так и есть, — то почему не предоставить населению самому снабжаться у производителей-крестьян, в отдельности или на кооперативных началах, списав соответствующих лиц из продовольственных планов? Быть может тогда продовольственных запасов государства хватит на лучшее снабжение не только „ответственных работников“, командированных служащих или иностранных гостей, но и больниц, богаделен, инвалидов и иных беспомощных элементов населения.

Что касается до продуктов личного и семейного производства крестьян и ремесленников, то только благодаря затмению социалистического сознания можно было дойти до запрета трудящимся свободно сбывать плоды своих собственных трудов. Не надо забывать, что подавляющая масса населения России живет семейным и личным сельско-хозяйственным и ремесленным трудом.

Кто знаком с экономическими исследованиями П.А. Кропоткина, тот должен более чем усомниться, чтобы централизация производства являлась признаком прогресса. Эта централизация нужна была капитализму для эксплуатации народных масс. Раз этот мотив отсутствует в крестьянском и ремесленном быту, то прогресс должен идти путем технического усовершенствования децентрализованного производства, а не государственным субсидированием искусственных объединений, называемых „коммунами“, притом же дающих на деле плачевные результаты.

Стремление к объединению среди крестьянства и ремесленников проявлялось и раньше, помимо государственной власти, в более практических формах земледельческих и кустарных кооперативов сбыта и закупок.

При свободных общественных порядках, при отсутствии власти, нет сомнения, что кооперативный товарообмен вытеснит частную торговлю.

К сожалению, Россия слишком темная и безвольная страна, чтобы, если не вполне освободиться от власти, то хотя бы ограничить ее произвол, мешающий социализации

товарообмена в кооперативных формах.

Поймут ли всю свою пагубную роль в деле товарообмена наши заправилы власти, превратившие Россию своими благими намерениями в сущий ад?

Этический закон труда

1920, источник: [здесь](#)

Рассмотрим одну из самых основных сторон бытовых явлений, — *этический* или *моральный* закон, определяющий трудовые отношения людей.

Прежде всего возникает вопрос: как определить моральный закон вообще?

„Мы должны исходить из фактов, чтобы из них вынести законы, начать с действительности, чтобы на ней вывести нравственность. И самым существенным, основным явлением нашей природы оказывается тот факт, что мы живые, чувствующие и мыслящие существа“, — говорит М. Гюйо. Наше существование, т.е. наша жизнь, нераздельное целое, поддерживаемое взаимодействием органов питания (в широком физиологическом смысле слова), чувств и мышления.

Разберем, каким образом свойства человеческого существа определяют трудовые взаимоотношения людей и в каком соотношении к ним находятся законы государственные.

Уже апостол Павел писал: „Не трудящийся не достоин пропитания“; в XX-м веке государственные социалисты высекли на своих памятниках: „Не трудящийся да не ест“ (предполагая, очевидно, вместе с апостолом, в человеке врожденную склонность к лени) и установили *закон всеобщей трудовой повинности*.

Что же нам говорит о труде этический закон? Для распознавания этого закона, по совету Гюйо, нужно исходить из простых фактов, прежде чем их обобщать.

Вот некоторые из этих фактов.

Перед нами здоровый и сытый ребенок, будущий человек. Он играет, беспрестанно суетится, что-то творит. Принудить его к бездействию, поставить в угол, для него большое наказание. Но вот проходят часы, ребенок проголодался, его движения вянут, он бросает игру. Ребенка накормили — он снова принимается за свою деятельность.

Тут мы наблюдаем конкретный факт: потребность в деятельности естественно вытекает из существования здорового и сытого организма.

Не то же ли самое мы наблюдаем у зрелого человека? Не отягчается ли тюремное заключение для взрослого вынужденным бездействием?

Не то же ли проявляется у животных? Не рвется ли сытый конь под седоком или в упряжи вперед?

Моральное качество, называемое *ленью*, не присуще здоровому организму при достаточном питании и свободном проявлении его чувствований и мышления.

Хороший хозяин, чтобы извлечь наибольшую пользу из своей рабочей скотины, заботится о корме и уходе за ней.

Расчетливый фабрикант, не будучи в состоянии без самоотречения изменить другие условия подневольного труда, старается способствовать улучшению питания и гигиенических условий быта своих рабочих, чтобы этим путем повысить производительность и извлечь наибольшие выгоды.

Деятельность такая же естественная потребность человека, как и питание. Эти две функции взаимно обуславливают одна другую.

Но не одним питанием определяется деятельность.

Игры ребенка — не бесцельные занятия, не бессмысленная суета, а стремление творить, создавать, организовывать. Ими руководит *мысль*, которая намечает цели для достижения. Заставьте ребенка исполнять чужие, не усвоенные им предписания в игре, у него пропадет всякая охота к ней.

Не то же ли самое наблюдается у взрослого?

Даже подневольный труд, при ясно намеченной цели, — сдельная работа, — дает большую производительность. Так конь, идущий по направлению к стойлу, ускоряет свой шаг.

Не понижается ли производительность труда, когда человеком не руководит им самим сознанный цель?

Затем, не повышается ли разве производительность при объединении умственного и ручного труда?

Всматриваясь дальше в деятельность ребенка, в его игру, мы заметим, что он никогда не играет один. Даже когда он обречен на вынужденное одиночество, то одушевляет своим воображением предметы, с которыми он возится. Игра принимает интенсивный характер увлечения, когда она происходит в обществе схожих с ним детей, его сверстников.

То, что наблюдается у ребенка, проявляется и у взрослого. Чувство, влекущее людей друг к другу, называемое общительностью, не только свойственно человеку, но и является для него насущной потребностью. Общительность оказывает большое влияние на производительность труда. „Наблюдения показывают, — говорит проф. Железнов, — что несколько человек, ведущих совместную работу, выполняют ее гораздо интенсивнее, чем при одиночном труде“.

Здоровый организм, хорошее питание, свободный выбор, воспринятая сознанием цель, добровольное взаимное объединение — вот условия, определяющие основные признаки этического закона труда.

Как мы далеки от узкого кругозора государственного законодательства, вменяющего труд в обязанность, проводимую угрозой целым рядом свирепых кар! Насколько выше юридического закона этический закон без санкции и принуждения, устанавливающий, что труд для здорового человека при свободных общественных порядках такая же потребность, как дыхание, и что он так же сближает сильных и слабых людей, как любовь кормящую грудью мать к своему ребенку.

Как прав Кропоткин, утверждающий: „Обществу, в котором труд будет свободен, нечего бояться тунеядцев“.

По причудливой иронии судьбы эти слова высечены под бюстом учителя теми же самыми руками, которые опозорили труд, вписав в государственные законы „всеобщую трудовую повинность“!

Профессиональные союзы

1920, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Кооперация. — Синдикализм. — Этика. № 9, сент., с. 1-3.

Что представляют из себя профессиональные союзы? Каковы причины их возникновения, их природа и роль в общественном развитии?

Уже само название показывает, что профессиональные союзы являются объединениями по разряду занятий, по характеру труда.

Профессии или ремесла зародились из разделения труда. Разделение труда возникло на самых низших ступенях общественного развития человека. Оно наблюдается и в животном мире, как например, у муравьев и пчел.

Разделение труда расслоило первобытное человеческое стадо на классы, касты, цехи, — на разряды людей, занимающихся однородным ремеслом. Общность интересов людей одного и того же расслоения навела их на путь объединения для взаимной помощи в борьбе за существование.

Беглый взгляд на историю уже показывает, что в процессе борьбы классов господство, т.е. власть, всегда принадлежало классам, объединенным в касты, цехи, ремесленные корпорации, — этим разновидностям профессиональных союзов, — сосредоточенным преимущественно в населенных центрах, в городах, а не земледельцам, рассеянными в деревнях.

В результате этой борьбы классов, т.е. общественных профессиональных расслоений, выработалось особое ремесло и соответствующий класс, приспособленный к технике управления для осуществления господства одних классов над другими. Это — бюрократия.

Умение и знание, даже для организации насилия, не даются сразу. По этой причине всякая новая власть, даже власть, возникшая революционным путем, в силу необходимости пользуется старым бюрократическим аппаратом, его составом, его формами, его приемами. Поразительно яркий пример в этом отношении представляем октябрьская революция, восстановившая под новыми названиями все старые формы правительственной системы со всеми их организационными и моральными дефектами.

Бюрократия тоже представляет из себя особую, порой самодовлеющую классовую силу, и всякой власти приходится с ней считаться, входить с ней в компромиссы, приспособляться к ней.

В процессе борьбы профессиональных расслоений общества между собой зародилось еще одно искусство, одна особая профессия. Это умение завладеть властью и удержать ее для

обеспечения господства за теми или другими общественными расслоениями. Эта особая профессия называется политикой и соответствующие профессиональные объединения — политическими партиями. Зомбарт описал это ремесло под названием „политика, как профессия“ и дал его яркую характеристику.

Политические партии, достигшие власти, подобно бюрократии, тоже стремятся в свою очередь стать самодовлеющей силой и направлять по своему усмотрению, приспособлять к своим силам те самые профессиональные расслоения, на которые они опирались для захвата и удержания власти.

Так, современная неограниченная партийная власть и силу необходимости считается с профессиональными союзами промышленных рабочих, но вместе с тем тщательно и бесцеремонно „обрабатывает“ их, приспособляя к своим партийным видам и к своей государственно-капиталистической идеологии.

Таким образом, борьба классов, возникшая в результате технического разделения труда, сама тоже выработала два новых вида профессиональных организаций: бюрократию и политические партии.

Эти элементарные данные нам, анархистам, следует твердо помнить. Вступая как самостоятельное течение в борьбу классов, мы должны знать технику этой борьбы, чтобы стать реальной силой и достичь практических успехов.

Подобно политическим партиям, мы должны опираться на профессиональные организации, но не для того, чтобы претендовать на упразднение основного закона исторического развития — соревнования и борьбы их между собой, и не для того, чтобы способствовать установлению господства — власти — одних слоев населения над другими, а для установления, по другому основному закону истории, равновесия между ними. Господство не есть необходимый результат борьбы, поэтому равновесие, к которому мы стремимся, будет покоиться не на власти, — предмету вождений всех политических партий, а на равноправии, несовместимом с господством, на анархии.

Равноправное равновесие между классами не может быть достигнуто ни сохранением их прошлых взаимоотношений твердой властью, ни разжиганием противоречий их интересов гражданской войной, а лишь видоизменением классов, устранением из них отживающих паразитарных наслоений (к таковым относятся бюрократия и политические партии), их оздоровлением.

Результаты всякой борьбы определяются не пожеланиями, а реальным соотношением сил. Силу же составляет не столько число, сколько организованность. Анархо-синдикализм нащупал твердую почву для своей деятельности, но делает одно важное упущение. Нельзя классы рассматривать, как застывшие формы и борьба классов в цивилизованном обществе, стремящемся к сознательному отношению к стихийным силам развития, должна иметь целью не их взаимное упразднение, а выделение полезных слоев всех классов, как господствовавших, так и подвластных, и их соединение в одно здоровое равноправное общество.

Здоровое равноправное равновесие в обществе может быть достигнуто только при организации в профессиональные союзы не только городского населения, но и деревни. Распространение грамотности и развитие путей сообщений сделали осуществимым то, чему препятствовали в прошлом разреженность в пространстве: организацию деревенского населения.

Эта организация в хозяйственном отношении, в кооперативных фермах, быстрым ходом продвинулась вперед. Временно разрушенная в России, она легко восстановится при более благоприятной политической обстановке. За хозяйственной организацией деревни должна последовать и политическая, — организация профессиональных крестьянских объединений для защиты их прав.

Если в октябре идеологи преимущественно крестьянских интересов, этой подавляющей части населения страны, социалисты-революционеры, были побиты социал-демократами большевиками, то это произошло потому, что крестьянство не было достаточно организовано в профессиональном отношении.

Если в результате этого поражения, власть, опирающаяся на городские организованные рабочие слои, распоряжается в деревне, как в завоеванной стране, бесцеремонно отбирает по „твердым ценам“ продукты, а промышленным рабочим не назначает „твердых заработков“, напротив, предупредительно повышает широкими размахами ставки труда (все же не поспевая за ростом дороговизны), или раздает им кое-какие продукты, которыми наделяют крестьян лишь в теории, то опять-таки это происходит от недостаточной организованности крестьян для ограждения своих прав.

Работа в организованных профессиональных союзах и объединение в союзы неорганизованные еще профессиональные расслоения, — вот та почва, на которой анархистская проповедь может дать плодоносные ростки.

Классовая борьба

1920, источник: [здесь](#)

Борьба классов является краеугольным камнем в программах социалистических партий и, в частности, анархистской пропаганды. А между тем нет понятия более расплывчатого, чем *общественный класс*. Это обстоятельство, понятно, не могло не отразиться на практических проявлениях деятельности проповедников общественного обновления на началах справедливости. Если бы они дали себе больший труд глубже вникнуть в сущность классовых расслоений общества, то сколько варварских, бессмысленных и кровавых явлений, — как массовые расстрелы противников и заложников или бросание бомб в людных кафе и музеях, — не могли бы позорить великое учение общечеловеческой солидарности и взаимной помощи.

Из основного закона истории, — из борьбы классов, — современные проповедники и деятели социалистических учений делают вывод, что есть классы трудящиеся, *производящие*, и классы *паразитарные*, ничего общественно полезного не творящие, а лишь потребляющие плоды трудов первых.

Так ли просто на самом деле?

Чтобы понять сущность классовой борьбы и, следовательно, делать из этого основного закона правильные практические выводы, нужно выяснить, откуда произошли классы и как они видоизменяются.

„Надобности повседневной жизни, — говорит Элизе Реклю в своем историческом труде о „Человеке и Земле“ (стр. 72 рус. перевода), — требовали чрезвычайно разнообразного труда, а это разнообразие труда создало разнообразие типов людей“.

Разнообразие труда создало не только этнические, но и общественные типы или *классы*. Уже само происхождение классов указывает на их трудовую, общественно полезную природу.

Классификация людей на основании общественных контрастов, в основе которых якобы лежит усиленный труд одних и праздность других, имеет прежде всего тот существенный недостаток, что в ней не находит место вся огромная *преобладающая* масса промежуточных слоев.

Богатство и бедность — понятия относительные. Для нищего скромное положение сельского учителя тоже покажется завидным. Сколько можно указать приходских священников, особенно в глухих деревнях, семьи которых влачат жалкое существование. А ведь духовенство в целом принято считать самым типичным эксплуататорским классом.

Разве плачевная практика русской якобинской социальной революции не произвела новый класс „деревенской бедноты“, противопоставленный трудовому крестьянину, даже если последний не пользовался и не пользуется наемным трудом?

Относительны также понятия о *труде* и *праздности*.

Пусть для городских атеистов, которым доступны художественные театры, церковь не нужна. Но у простого народа есть тоже свои эстетические и духовные потребности. Если священник удовлетворяет эти потребности своим блестящим облачением, более или менее музыкальным пением, декламациями о трагической жизни Иисуса Христа и разных пророков и святых, — этих революционных новаторов былых времен, — то можно ли назвать этого, слишком вульгарного для развитых людей артиста, праздным паразитом?

Недаром современный театр возник из религии. До сих пор на мусульманском востоке, по образцу древнего театра, посреди площадей воздвигаются эстрады и на них, в известные сезоны (наподобие наших театральных сезонов), разыгрываются религиозные мистерии.

Чем же виноват сельский священник, что в деревне сохранился, наряду с примитивной обувью — лаптями, — и примитивный театр, обслуживаемый им, артистом этого театра?

Если вдумчиво всмотреться в роль низшего духовенства в жизни народа, то окажется, что этот класс, — пусть он изжит более высокой культурой, — не столь паразитарен, как кажется с первого взгляда, так как сейчас деревенской народной массе не доступны более высокие эстетические зрелища.

Если затем разглядеть расслоение самого духовенства на благоденствующих высших и на нередко бедствующих низших, и взвесить глухой антагонизм между ними, — антагонизм, заглушаемый дисциплиной и страхом лишиться куска хлеба, — то невольно выступает вопрос: где же здесь класс, единый в своих интересах?

Общность интересов не является характеризующим признаком класса.

Подобное же расслоение и противоречия в интересах наблюдаются и в других мнимо однородных классах.

Возьмем хотя бы пролетариат. Если под *пролетарием* понимать человека, продающего свою рабочую силу, умение и знания, то какая огромная разница между положением чернорабочего, мастерового и техника с высшим образованием, все трое продающих свою рабочую силу, быть может, одному и тому же частному хозяину или государству!

Эта разница не остается объективным фактом, не мешающим классовому объединению пролетариата. Она проявляется реальной борьбой между разными расслоениями его. Русская революция, по грубой разнузданности народных нравов, вскрыла этот антагонизм рядом жестоких насилий над техническими работниками, доходившими нередко до зверских убийств. Огульные гонения на работников умственного труда служат доказательством того, что это не было случайным, эпизодическим явлением в малосознательной среде. Наконец, не характерно ли, что Всероссийский Совет Профессион.

Союзов упорно отказывает в регистрации профессиональным союзам медицинских и зубных врачей? А между тем, можно ли себе представить более тяжелый и ответственный труд, чем труд врача?[1]

Где же здесь класс трудящихся, единый в своих интересах, противоположный классу эксплуататоров? Без классового объединения возможна ли классовая борьба в том виде, как общепринято это понимать?

Подобные же контрасты наблюдаются и в других классах. Возьмем хотя бы помещиков. Какая огромная разница между помещиком, лично ведшим хозяйство, введившим всякие усовершенствования, новые виды плодовых деревьев и полезных растений, лучшие породы удойного скота, лошадей и т.д. — и все это перенималось постепенно населением, распространялось в округе и далеко за ее пределами; — и другим помещиком, получавшим только аренду и прожигавшим жизнь в городе или где-то там, на заграничных курортах?

Чтобы оценить всю общественно-полезную роль хозяйственных помещиков, достаточно сравнить породы скота у швейцарских крестьян, или даже у крестьян центральной России, с жалкими вырождающимися породами коров и лошадей у крестьян Закавказья, где образцовые помещичьи хозяйства большая редкость. А ведь современная проповедь классовой борьбы сваливает всех помещиков в одну кучу бесполезных эксплуататоров.

Возьмем затем капиталистов. Какая огромная разница между капиталистом, непосредственно руководившим своей фабрикой или заводом, неустанно следившим за ходом работ, обдумывавшим и введившим разные улучшения в технической постановке производства, заботившемся о своевременной заготовке сырья и топлива, порой также запасов продовольствия для рабочих, и другим капиталистом, отрезывавшим только купоны ножницами от своих акций! А ведь отрезывал и до сих пор в капиталистических странах отрезывает купоны средний обыватель, кое-как сводящий концы с концами основным личным заработком.

Опять можно задать вопрос: где тут единый класс капиталистов? Можно ли назвать бесполезной, исключительно паразитарной распорядительную роль хозяина, его знания и опыт? Разве даже сами большевики, эти разрушители без оглядки всей хозяйственной жизни страны, не оставили под руководством, явным или замаскированным, Прохоровых, Брокеров, Сытиных и их „буржуазных“ управляющих налаженное ими же производство?

Общественный паразитизм в прямом смысле слова явление сравнительно редкое и далеко не классовое. Паразитарные элементы наблюдаются во всех слоях общества, в так называемых низших не реже, чем в высших. Жажда наживы, любостяжание, безделье, преступления, пьянство, разгул, страсть к азартным играм не составляют привилегию только привилегированных классов. Трудовой капиталист с таким же пренебрежением относится к паразитарным элементам своего класса, как и рабочий к своему товарищу-пропойце, как всякий душевно здоровый человек относится к бесполезному тунеядцу. Все классы тесно переплетаются между собой и вы встретите в одном и том же классе, будь то „высшие“, т.е. привилегированные, или низшие — чернорабочие, как общественно-полезные, трудовые качества, так и паразитические стремления. Строгое разделение

общества на классы трудовые и праздные, эксплуатируемые и эксплуататорские — практически невозможно и при попытке провести в жизнь создает то застойное состояние, ту хозяйственную и моральную разруху, которые мы переживаем теперь и которые ведут с чрезвычайной быстротой к всеобщему понижению культуры.

Но если нет паразитарных классов в целом, то какая же причина общественных контрастов?

Причина в том, что не все общественно-полезные профессиональные категории извлекают равномерные выгоды из своего труда.

Владельцы больших капиталов, или распорядители ими, крупные землевладельцы, сановные чиновники былых времен и нынешние „ответственные работники“, люди, получившие высшее научно-техническое или артистическое образование, находились или находятся в относительно привилегированном положении, чем средние слои ремесленников, кустарей, крестьян, серых чиновников, народных учителей и т.д. Последние составляют своего рода аристократию по сравнению с чернорабочими, не владеющими ни средствами, ни особенными профессиональными знаниями, ни образованием.

Таким образом, социальное неравенство вытекает из неравенства между профессиональными слоями населения и то, что принято называть классовой борьбой, в сущности есть борьба одних профессиональных объединений и слоев за удержание своих преимуществ или за их расширение за счет других.

Борьбу классов нужно понимать преимущественно в переносном смысле слова, как Дарвин понимал — на это указывает Кропоткин — борьбу за существование. Объединение классов или *искание равновесия между ними*, такой же закон общественного развития, как и взаимная помощь для биологической эволюции. При общественном равновесии классы, умственно более развитые и морально более объединенные, пользуются преимуществами, привилегиями. Так, даже в „социалистической“ России, *по официальным тарифам*, рабочие разбиты на свыше 30-и категорий, и „квалифицированный труд“ высших чиновников в бюрократической иерархии оплачивается вдвое больше, чем труд чернорабочих (уж не говоря о более существенных косвенных преимуществах).

Преимущества одних профессиональных расслоений или классов не могли бы превратиться в тунеядство и эксплуатацию, а напротив, как проявление успеха в общественном разделении труда, служили бы общему благоденствию, если бы не одна особенность человеческого общежития, невыгодно отличающая его от животных обществ.

Классы более развитые стараются увековечить свои преимущества особой школой дрессировки и подчинения остальных классов, — школой, называемой *государством* или правительственной властью.

Только благодаря государственной системе прогрессивный закон классовой борьбы вырождается в разрушительные гражданские и международные войны.

Практический вывод из всего вышеизложенного тот, что борясь за уничтожение неравенства и упразднение привилегий, мы должны искать справедливое *равновесие*

между профессиональными объединениями и слоями, а не стремиться к господству одной части населения — пролетариата физического труда — над всем обществом.

Всякое господство неизбежно ведет к созданию новых привилегий и нового паразитизма. Господство пролетариата не может иметь иных последствий. Современный строй России наглядно доказывает это.

Путь к разрешению социального вопроса не в неосуществимом упразднении классов и вместе с тем их соревнования — этого залога вещественного прогресса, — а в устранении организации, тормозящей свободное развитие и устанавливающей господство одних классов над другими, т.е. в уничтожении государственной власти.

Примечания

[1] Любопытно отметить, что московский профсоюз зубных врачей, особым параграфом своего устава, закрыл доступ в союз дантистам, пользующимся наемным трудом, и все-таки не добился регистрации.

Территориальность и анархизм

1920, источник: [здесь](#)

Если присмотреться к жизни отдельных семейств животных и их обществ, то мы заметим, что каждое из них пользуется определенным местожительством — гнездом, норой, берлогой, муравейником, ульем, — и сравнительно ограниченным пространством земли, т.е. территорией, на которой промышляет средства для собственного существования и для сохранения вида (потомства). Даже перелетные птицы, и те в разные времена года возвращаются к прежнему местопребыванию и старому гнезду. То же самое наблюдается у кочевых племен, которые не скитаются по белому свету куда глаза глядят, а имеют свои определенные кышлаги и ейлаги (так называют татары-кочевники места своего зимнего и летнего пребывания).

Эту естественную связь с насиженным местом, с родиной в прямом смысле слова, следует назвать территориальностью в отличие от государственности, являющейся принудительным объединением в произвольных границах.

Анархизм, отвергая государственность, не может отрицать территориальность, точно так же, как стремясь к уничтожению монопольного (частного и государственного) капитала, он признает трудовую собственность, ведущую, благодаря повышению ею производительности труда и свойственным человеку общительности и взаимопомощи, к коммунизму[1].

Любовь к родине и племени не только не чужды, но и свойственны анархисту не менее, чем всякому иному человеку. Это она привела, после почти полувекового вынужденного изгнания, П.А. Кропоткина на родину, и именно в центральную Россию.

Связь с родиной настолько сильна у человека, что даже при современном необыкновенном развитии путей сообщений люди весьма неохотно переселяются со своей родины, и то лишь под давлением непреодолимой хозяйственной необходимости.

В природе территориальность, по-видимому, не вызывает острой борьбы внутри одного и того же вида животных. Кропоткин в своем труде о «Взаимной помощи» указывает, что отдельные группы пингвинов имеют свои места для отдыха и свои места для рыбной ловли, и не дерутся из-за них. Стада рогатого скота в Австралии имеют каждое свое определенное место, куда оно неизменно, изо дня в день, отправляется на отдых, и т.д. У собак территориальный инстинкт настолько сильно развит, что человек использовал его, приручив собаку для сторожевых целей.

Причину отсутствия острой борьбы за территориальность у животных одного и того же вида можно усмотреть в большей однородности животных пород, которая определяется, в свою очередь, медленностью их развития. Совсем иначе обстоит дело в человеческом роде, где развитие цивилизации идёт не повсюду с одинаковой скоростью и порой делает поразительные скачки. Разница в культурном развитии разных племен и народов настолько велика, что самооборона у людей является естественным следствием территориальности.

Нынешний кризис основной идеи Интернационала — не оправдавшегося лозунга международного объединения пролетариата всех стран — произошел именно вследствие игнорирования этой разницы в развитии различных народов. Эта разница делает обороноспособность каждого общества необходимым условием для его дальнейшего свободного развития.

Территориальность во всей истории человечества настолько была поглощена государственностью, что даже сами главные основатели и идейные вдохновители международного анархистского движения, Бакунин и Кропоткин, не проводят границы между этими двумя понятиями. Это ведет к мысли, что всякая связь для взаимной самозащиты должна исчезнуть и часть анархистов, борясь с милитаризмом, именно так и понимают наше учение. Между тем ни Бакунин, ни Кропоткин не воображали себе, что все человечество сразу перейдет к анархизму и что в нем не останется государств, идеально организованных для нападения и захвата (см. «Кнута-Германскую Империю» Бакунина).

Анархизм, как общественное движение, глубоко проникнутое духом активной борьбы со всяким гнетом и насилием, не может отвергать организованную оборону народов от внешних насилий. Теория анархизма исключает из взаимоотношений населения принудительную власть и прямые насилия, составляющие сущность государственности. Организованную же оборону общества на определённой территории без принуждения власти анархизм не может отвергать.

Анархизм до сих пор выдвигал своим ближайшим политическим идеалом территориальную родину — общину (коммуну), потому что в ней легче было себе представить и осуществить справедливый общественный строй. Но гибель неминуемо ждет коммуну в окружающей, враждебно расположенной среде, как это случилось с Парижем в 1871 году. Для своего утверждения анархизм должен выработать формы организации больших обороноспособных единиц и затем своим культурным влиянием объединить все шире и теснее другие страны. Вот в каком направлении нужно искать пути к возрождению анархического Интернационала.

Пока осуществление анархизма считалось даже пылкими его приверженцами далёким идеалом, пока они ежедневно сталкивались с огромной разницей между этим идеалом и железными устоями действительности, до тех пор можно было не задаваться вопросом о внешних врагах обществ, перешедших к анархическому строю. Во время мировой войны вопрос об обороне расколол анархистов на два противоположных лагеря, но теперь мы одинаково далеки от безоговорочного слияния с государственной обороной одних и наивной проповеди «втыкания штыков в землю» других.

Мировая война, расшатав все основы старых общественных порядков, поставила на очередь проведение в жизнь самых невероятных теоретических построений: она отдала необъятную Россию в жертву опытам партии государственных социалистов, которые стремятся диктатурой власти над всеми, т.е. произволом кучки людей, организованных в партию, насадить в стране свои несостоятельные умозрения. Неизбежный крах этой, быть может, последней формы принудительного государственного строя выдвигает вопрос о переходе к новым порядкам, к свободному политическому строю, к анархистским территориальным объединениям. Иначе неизбежна реакция, неизбежен возврат к прошлому, к старым формам управления, в лучшем случае к так называемой «правовой государственности».

Но из внутренней междоусобной и гражданской борьбы не может зародиться внешняя обороноспособность перед агрессивными военными государствами, поэтому необходимым условием успешной территориальной самообороны является выработка практических форм общественной организации без сословных привилегий и принуждения власти.

Разрешение социальных вопросов в старых отживших государственных формах уже не может удовлетворить пробужденных мировой войной (выражаясь словами Вильсона), «разума и воли всего мира».

Осуществление анархистской формы общежития в территориальных пределах стало насущной задачей нашего времени. Оно поставлено на очередь и у нас в России, где старое начало принудительной государственности разнузданно мечется на арене неограниченного произвола, стремясь закрепить свое существование.

Великие революции своими разрушениями сами же намечают пути для обновления общества, и формы, в которые новый строй стремится вылиться.

Эти формы «Почин» старался уловить, исходя из явлений настоящего, и изложил в ряде статей и отдельно выпущенных очерков[2].

Наш идеал исторически созрел. Но созрели ли и мы политически, чтобы способствовать его осуществлению на деле?

Примечания

[1] См. беседу с П.А. Кропоткиным в № 4 «Почина».

[2] «Социальные задачи Домовых Комитетов» (очерк городского общественного строя без власти и принуждения)», «Основы земской финансовой организации без власти и принуждения», некоторые статьи из сборника «Против Власти». См. также статьи: «К вопросу об организации общественной медицины на общинно-кооперативных началах» (газ. «Анархия», № 76 за 1918 г.), «Проблема свободной армии» (газ. «Анархия» № 83 за 1918 г.) и статью К.Н. Вентцеля «Отделение школы от государства» (журн. «Свободное Воспитание», № за февраль 1917 г.).

Последние дни П.А. Кропоткина

1921, источник: [здесь](#)

На меня выпала печальная доля присутствовать неотлучно при Петре Алексеевиче с ночи под 31 января до его кончины и помогать семье и сестре милосердия Е.В. Линд в уходе за больным.

В понедельник 31 января Петр Алексеевич чувствовал себя настолько хорошо, что по поводу укола с укрепляющим лекарством даже заметил: „Не понимаю, от чего меня лечат?“ Температура была нормальная и ничто не предвещало трагический конец.

— От слабости, — ответил я. И действительно, всё внимание лечивших врачей в то время было направлено на укрепление сил и усиление питания.

По поводу предложения, не желает ли рыбы, он вспомнил об одной своей встрече с Тургеневым в Париже и ответил: „Да, хорошо бы поесть рыбы с соусом. Как-то Тургенев угостил меня рыбой с соусом. — Вас, — говорит, учили не есть соус с хлебом. Давайте нарушим это правило. — Поели с хлебом и кусочками рыбы, запили белым вином. Очень вкусно было. Тургенев любил хорошо поесть“.

В этот день вообще он чувствовал себя бодро и делился с окружающими своими мыслями. „Странно, отнялся вчера язык... Думал (ночью) об устройстве анархических коммун, без правительства“... Затем начал со мной оживленную беседу о положении дел в Западной Европе, о том, что „буржуазия глупа“ и не умеет справиться с экономическими затруднениями, о поразительных успехах авиации за последние годы, о которых он прочел в одном английском журнале, случайно доставленном ему.

Боясь утомить больного, я перевел разговор на другой предмет и начал сам рассказывать о житье-бытье в Бутырской тюрьме, из которой незадолго до того был освобожден, о его дмитровских друзьях-кооператорах, которые в то время еще сидели там.

Это была последняя более или менее длительная беседа учителя. После лёгкого завтрака, принятого с аппетитом, Петр Алексеевич заснул и проснулся в 5-ом часу пополудни в сильном ознобе. Температура сразу поднялась до 40,4°. Возобновилось воспаление легкого, сведшее его в могилу. Начался „противный процесс умирания“, как он сам его характеризовал, в словах, обращенных к ухаживавшей за ним сестре милосердия Е.В., за 2-3 дня до своей кончины. На ее вопрос, как он к этому относится, Петр Алексеевич ответил: „Полное равнодушие“.

Но не всё время Петр Алексеевич относился безразлично к надвигавшемуся концу, который он, по-видимому, сознавал. „Хотелось бы еще поработать“, — прошептал он в один из первых дней после возобновления легочного воспаления. Незадолго до кончины он, видя Софью Григорьевну подавленной и печальной, и угадывая ее опасения, с трогательной заботливостью старался успокоить ее, говоря, что не раз уже серьезнее болел „и видишь, выкарабкался же“.

Последние дни своей болезни Петр Алексеевич находился в полузабытьи, из которого окружающие его выводили, чтобы дать ему пищу или лекарство, или же он сам пробуждался, чтобы попросить пить или предупредить осложнения в уходе за собой. Еле в состоянии прошептать несколько слов или шевельнуть руками, Петр Алексеевич не переставал заботиться с присущей ему деликатностью о том, чтобы причинять возможно меньше хлопот и неприятностей окружающим. „Не хорошо“, — говорил он застенчиво во время интимного ухода за ним, даже родным.

Вначале, когда он чувствовал себя сравнительно лучше, сестра В. поставила на ночной столик звонок и попросила позвонить, если ему что понадобится в минуты ее отлучки. — „Нет, не буду, — ответил он шутливо, — для анархиста и звонок проявление власти“. И действительно, ни разу не прикоснулся к нему.

Вместе с крайней деликатностью к окружающим, тонкий юмор сквозил в его словах, даже когда их приходилось улавливать с трудом из уст умирающего, и его выражения носили неизменно красочный характер.

2-го числа в 3 часа утра больной попросил напиток, и когда я поднес стаканчик, чтобы напоить, он, не доверяя мужской ловкости в уходе за больными предупредительно заметил: „Только не за галстух“. Глотнув немного, он выразил желание, что „предпочел бы горячего чаю“ и с удовольствием выпил небольшую чашку, „как с третьего блюдечка“ (т.е. в пору горячий, пояснил он мне).

3-го числа в 11-ом часу вечера, когда Е.В. готовилась произвести укол предписанного лекарства, Петр Алексеевич заметил: „От женских уколов никакого прока нет“.

Вообще, особенно в первые дни, Петр Алексеевич был довольно чувствителен к подкожным уколам и называл их „докторским хулиганством“, и даже раз стал укорять сестру: „Какая Вы хулиганка стали! У докторов научились!“. И тут же прибавил, чтобы не обидеть ее: „Я знаю, что Вы не со злым умыслом, а по обязанности“.

В другой раз (1-го февраля), когда врач, постоянно пользовавший его, — Сергей Николаевич Ивановский, к которому, кстати сказать, он относился очень дружески и с полным доверием, как к „старому земскому врачу“, — собирался исследовать его Пётр Алексеевич обратился к сестре милосердия с просьбой „защитить от этих варваров“.

Чем ближе надвигалась неизбежная развязка, тем глубже становилось забытие Петра Алексеевича. Софья Григорьевна и Александра Петровна прилагали все усилия, чтобы от времени до времени вывести его из сонливого состояния и уловить момент, чтобы дать ему хоть кое-какую пищу...

Вскоре началась длительная агония.

Так угас в глуши любимой родины великий *интернационалист* и *революционер*, для которого *интернационал* не означал отрицание своей родины, а высшее проявление *революции* заключалось в защите всегда этой родины от всяких насилий.

Отделение школы от государства

1922, источник: [здесь](#)

Крутой поворот, сделанный коммунистической партией от сосредоточения хозяйственной деятельности народа в руках государства в сторону общественного и даже частного почина, снова ставит в порядке дня вопрос, выдвинутый в начале русской революции (в апреле 1917 г.) 1-ым Московским Областным Съездом учителей и так ярко сформулированный К.Н. Вентцелем в лозунге **отделение школы от государства**. Вполне естественно, чтобы децентрализация производства и распределения материальных благ сопровождалась также децентрализацией удовлетворения духовных потребностей и развития молодого поколения, т.е. народного просвещения.

Мы не бросим правящей партии обвинение в реакции за ее поворот в экономической политике. Очутившись на ложном пути, она сделала шаг назад, к исходному пункту, чтобы сызнова искать более верный путь к нашему общему идеалу, — к всеобщей Взаимной помощи, называемой коммунизмом.

Этот путь она пока нащупала в раскрепощении кооперации (к сожалению, проводимом не с достаточной полнотой и искренностью); со временем то же самое она вынуждена будет сделать и по отношению к профессиональным союзам.

По поводу критического обзора государственного социалистического строительства, изданного *Почином* под заглавием „Великий Опыт“, П.А. Кропоткин в письме к автору, между прочим говорит: „Да, действительно, *Великий Опыт*, но задуманный так, что обречен на конечную неудачу“. Теперь мы присутствуем при этой „конечной неудаче“.

Злорадствовать по этому поводу могут только люди, глядящие вспять, — реакционеры, мечтающие о возврате тех общественных порядков, которые привели к чудовищной мировой войне. Мы же, ищущие новых путей к разумному и справедливому укладу жизни, должны извлечь из этого тяжелого и мучительного опыта лишь полезные уроки.

Мы не льстили власть предержащим во время их опытов над народом и во множестве шли в тюрьмы, некоторые даже заплатили за это жизнью. Теперь, когда сродная нам социалистическая партия на деле убедилась в непригодности своих приемов общественного строительства, мы имеем нравственное право указать ей на иные пути.

Одним из этих путей является *денационализация народного просвещения*. В то время, как официальные органы изобилуют беспощадным осуждением результатов централистической хозяйственной системы, о вопросах народного просвещения мало что пишется. А между тем

бюрократизм в этой области причинил не меньший изъян, чем в хозяйственной жизни. Моральная и материальная разруха, в которую впала народная школа, а также студенческие волнения минувшего лета свидетельствуют, что „не все спокойно“ на этой Шипке.

Выход из положения указан нашей же революцией. Вскоре после февральского переворота „Русские Ведомости“ с тревогой писали: „В некоторых местностях «волею учительства» уже упразднены и училищные советы, и инспектора народных школ, и руководство делом народного образования взяли на себя школьные комитеты из учащихся“.

„Нигде на свете народная школа не находится в руках самоуправления народных учителей и учительниц. Не будет, конечно, такой школы и в России“, — вещала дальше самая передовая, умная и честная буржуазная газета (в № 76). К сожалению, школьная политика коммунистической партии (большевиков) с того времени, как она завладела властью, целиком оправдывает предсказание буржуазного органа.

Если отношение правящей партии к народному просвещению определялось ее экономическими стремлениями, теперь, с провалом хозяйственной централизации, естественно (особенно для марксистов) должен выдвинуться вопрос о пересмотре постановки дела народного просвещения. Под народную школу тоже должна быть подведена, так сказать, *кооперативная экономическая база*. Самоуправляющиеся, свободно сгруппировавшиеся коллективы учителей и учительниц должны получить возможность объединять материальные средства *потребителей* своего труда, т.е. родителей детей школьного возраста, и доказать идеологам буржуазной государственности, для которой народное просвещение является средством для укрепления своего господства, что народная школа может и должна быть отделена от государства.

Да она к этому стремилась уже при капиталистическом строе. Что представляли из себя школы преподавателей, которые так ценились населением, но, к сожалению, по малочисленности и иным причинам не были доступны для всех, как не школьные кооперативы?

Если правящая коммунистическая партия правильно взвесит положение вещей и если она искренно стремится к разумному обновлению жизни, а не цепляется только за власть, то она должна всячески способствовать организации простым явочным порядком таких школьных кооперативов всех ступеней предоставлением в распоряжение групп учащихся подходящих помещений и школьного оборудования.

Ведь дает же власть производственным кооперативам, артелям и даже частным предпринимателям в аренду фабрики и мастерские? Неужели учительство заслуживает меньшего доверия, а свободное духовное воспитание подрастающего поколения имеет меньшее значение, чем изготовление и вольный сбыт каких-либо фабрикатов?

Виды на будущее русской промышленности

1922, источник: [здесь](#)

Итак, от старого советского хозяйственного режима — стройного в теории и строго последовательного, не взирая ни на что, на практике — не осталось камня на камне. От централизации „до бесчувствия“ уцелели одни „рожки да ножки“, как игриво писали некоторые журналисты в официальных органах. Хотя последствия доктринерских опытов далеко не были забавны для народа, но несвоевременно допытываться причин и разыскивать виновных. Разберемся лучше в изменившейся обстановке.

Новый курс в хозяйственной политике государственной власти открывает новые возможности в развитии промышленности.

Какое направление примет она?

Если бы история развертывалась стихийным образом, то этот вопрос имел бы значение простого любопытства. Но дело в том, что развитие человеческих обществ в нашу эпоху — и не в одной только России — идет не своим естественным, свободным путем, а в значительной степени находится в зависимости от государственной власти. Удерживать последнюю от грубых ошибок и ограждать общественное развитие от ее всегда пагубного вмешательства пробуждением народного самосознания, противодействия и самодеятельности является одним из главных призваний анархистской печати.

Направление, которое может принять развитие, или, вернее, возрождение русской промышленности, зависит не от одних только пожеланий, вроде того, чтобы кооперативы и частные промышленники арендовывали предприятия, но и от объективных, внешних условий. Для существования всякой промышленности нужны прежде всего средства, капиталы.

Откуда они могут взяться?

Богатства наших старых промышленников — Рябушинских, Морозовых, Кузнецовых и всяких акционерных товариществ с именами или без имен — возникали не праведными трудами владельцев, не их наследственными талантами, а из более действительных источников: благодаря явным или окольным субсидиям из казны и прямому покровительству государства.

Царская власть выдавала им за счет крестьянской массы — главной плательщицы прямых и косвенных налогов — из народного достояния то субсидии, то концессии с гарантией или без гарантии доходности, то платила вывозные премии, то вводила покровительственные пошлины, чтобы всячески поставить на ноги русскую промышленность и оградить ее интересы, т.е. выгоды кучки торгово-промышленных туеядцев, от иностранной конкуренции. При этом наживалось, конечно, и высшее чиновничество рука об руку с влиятельными членами Романовского дома.

Это прошлое русской промышленности нужно помнить тем, кто мечтает сосредоточить *одни только крупные предприятия* в руках государства, а средние и мелкие предоставить частным предпринимателям и, в лучшем случае, трудовым и потребительским кооперативам. Унаследованная нами крупная промышленность — особенно оставаясь в руках чиновников — сможет существовать только искусственно, при покровительственной таможенной системе, даже для внутреннего рынка, т.е. за счет и в ущерб потребляющей крестьянской массе населения, иначе она будет вытеснена иностранной конкуренцией.

То же самое нужно сказать и о среднем и мелком *капиталистическом* производстве. Теперь лишенная правительственных субсидий (часто выдававшихся им под видом выгодных правительственных заказов), премий, потворства и гарантий, она по крайней мере должна быть ограждена высокими ввозными пошлинами, чтобы стать достаточно прибыльной и привлечь иностранные капиталы. Иначе говоря, и средняя промышленность может возродиться при поддержке государственной власти и в ущерб крестьянской массе.

Не к этому, конечно, стремилась социалистическая партия, разрушившая, неожиданно для самой себя, вместе с устоями старого капиталистического строя, и почву под ногами промышленного пролетариата, т.е. самую промышленность.

Но есть еще третий вид промышленности, который доказал свою живучесть и устойчивость даже в передовых капиталистических странах, это — *децентрализованная промышленность*, которая у нас в России называется *кустарной* за свою отсталую технику.

Располагая очень часто далеко не совершенными орудиями производства, она тем не менее способна бывает выдержать конкуренцию с самым крупным капиталом. Продуктивность труда, очевидно, не исключительно зависит от превосходства техники. А тем более при усовершенствованной технике кустарная промышленность в состоянии будет успешно конкурировать с крупным капиталом, пользуясь при этом кооперативными приемами объединений при закупке сырья и материалов, сбыту фабрикатов и организации кредита.

Таким образом, технически высокая промышленность может возродиться в России, *не эксплуатируя крестьянства*, только из развития кустарного производства. Только способствуя успешной кооперативной организации последней и усовершенствованию ее *техники*, можно достичь того, чтобы русская промышленность перестала быть чужающим наростом на спине земледельца-крестьянина.

Для успешной организации кооперативных объединений кустарей нужны не „регулирующие“ декреты, измышленные за их спиной канцелярскими „спецами“, хотя бы

даже по партийным „заданиям“, а необходимо полное освобождение кооперации от государственной опеки и государственного вмешательства в ее деятельность.

Что же касается до технических возможностей русской кустарной промышленности и механизации ее приемов производства, то слово по этому вопросу принадлежит специалистам — русским техникам.

Децентрализация права

1922, источник: [здесь](#)

Право — святая святых всех „государственно мыслящих“ людей, от монархистов до государственных социалистов включительно. При этом под „правом“ они понимают государственные законы и их принудительное проведение в жизнь судопроизводством или даже административным усмотрением.

Вследствие отождествления права с выявленной волей государственной власти, многие анархисты, отвергая власть, отвергают и право.

Но, отрицая с полным основанием государственное принуждение, называемое „правом“, могут ли анархисты, по крайней мере анархисты-революционеры, отвергать право вообще и его охрану силой, не впад в практическую нелепость толстовского непротивления злу?

Только в обществах с однородным моральным развитием надобность в правовых нормах и их ограждении для всех силой может быть доведена до минимума, низведена до нуля. К сожалению, уровень этического развития населения не только разных стран, но даже различных слоев одного и того же народа, чрезвычайно разнообразен и до утопичности далеко то время, когда все человечество достигнет настолько высокого развития, что право перестанет нуждаться в охране и отождествится с общечеловеческой этикой. Для внутренних взаимоотношений человеческих обществ охрана правовых норм так же необходима, как и не устранима внешняя самооборона разных стран. Как первая, так и вторая определяются однородными причинами.

Анархизм отрицает не право вообще, а монополию за государственной властью устанавливать правовые нормы и принудительно их проводить в жизнь, как это признается за ней почти всеми юристами. Однако юридическая мысль не замерла на одной ступени, и иные правоведы уже не связывают неразрывно понятие о праве с суверенною волею государственной власти.

„Внутри отдельных государств, — говорит проф. Виноградов в своих *Очерках теории права*, — существуют общественные организации, обладающие известной автономией...

Образование внутри церквей автономных правовых сфер является только одним из примеров широко распространенного процесса. Местные союзы и профессиональные организации могут создавать особые юридические нормы. Средневековое право Германии, например, было в особенности богато примерами подобных образований: существовало особое право горожан, право крестьян, право цехов, гильдий, феодальных обществ и т.д., и зависимость всех этих норм от верховного права княжеств и империи была чрезвычайно слаба...

В настоящее время муниципальные постановления, статуты и обычаи корпораций, ассоциаций и трэд-юнионов возникают во множестве... Нормы эти порождаются не государством, а входящими в его состав обществами, они располагают своими собственными санкциями (штрафы, лишения преимуществ, исключений) и их конечный компромисс с законами государства, является в основе своей результатом борьбы за преобладание между центральной и местными властями. Результаты могут быть различны в различные эпохи, и *нисколько не исключена возможность, что после периода постепенной централизации права государством начнется движение в противоположном смысле — в направлении местной и профессиональной автономии*" (курс. мой. А.).

Таким образом, когда юридическая мысль отрешается от схоластической диалектики римского права и переходит к изучению истории и современности, то она приходит к тому же выводу, как и мы, анархисты. Движение в противоположную сторону от централизации права государством, допускаемое проф. Виноградовым не только теоретически, но подкрепленное конкретными наблюдениями над современной жизнью, ведет в сущности к **децентрализации права**, т.е. к упразднению роли государственной власти в установлении правил поведения между людьми, иначе говоря, к анархизму.

Поучительно отметить новейшее проникновение децентрализации права в международные отношения. По ст. XIII договора, заключенного правительством Советской России с Германской республикой, „российское правительство обязуется совершать с германскими гражданами и юридическими лицами правовые сделки на территории Р.С.Ф.С.Р. только с оговоркой о применении третейского разбирательства“. Эта статья договора не имеет ничего общего с капитуляциями, с которыми ее с горечью сближают иные большевики, не утратившие еще великодержавную психологию. При капитуляциях юридические законы государства следуют за выходцем из страны на чужбину. Тут, напротив, имеется характерный случай отказа двух государств принудительно применять при спорах третьих лиц с одним из них (а тем более, очевидно, частных лиц разного подданства между собой) те или другие юридические законы. *При условии взаимности* нет сомнения, что международные отношения будущих анархических территорий с сохранившимися еще государствами будут определяться именно таким образом. Наивно мечтать о всеобщей мировой (универсальной) социальной революции. Наши учителя, Бакунин и Кропоткин (как вполне основательно замечает последний), „не воображали себе, что все человечество сразу перейдет к анархизму и что в нем не останется государств идеально организованных для нападения и захвата“. Сношения между такими отсталыми государствами и анархическими территориями будут определяться именно правом, децентрализованным до третейских судов.

Из воспоминаний и бесед с П.А. Кропоткиным

Взгляды на новое правописание

Случайно я был у Петра Алексеевича на его квартире на Новинском бульваре, когда принесли ему от Сытина впервые корректуру по новой орфографии; то были оттиски „Взаимной помощи“.

Он, очевидно, не был предупреждён об изменении правописания и оно произвело на него впечатление неприятной неожиданности.

П.А. тут же стал мне пояснять, что, когда вырабатывали новое правописание, академик (он назвал имя, которое сейчас не вспомню), взявшийся за это дело, оставил *и* (восьмеричное) вместо *і*, так как последняя буква напоминала бы *польский язык*. А между тем желательно было бы как раз сохранить *і*, так как в русском алфавите мало букв, выступающих над строкой; такие буквы облегчают чтение.

Что касается экономии в месте, которая получается от выпуска твёрдых знаков, то она теряется от исключительного употребления *и* восьмеричного. На этом основании И.Д. Сытин высказывал Петру Алексеевичу мнение, что интересы литературных работников, оплачиваемых построчно, не пострадают от изъятия твердых знаков.

Кроме того, П.А. находил, что предлоги из одних согласных, как *в, с, к*, без твердых знаков, невольно сливаются в глазах с последующими словами и тем затрудняют чтение.

Но критическое отношение к *новому* не означало у П.А. пристрастие к *старому*. Желая ближе познакомиться с новой орфографией, П.А. одолжил у одной своей приятельницы грамматику по новому правописанию Сакулина. Когда он вернул книгу, приятельница П.А. нашла в ней заметку, написанную его рукой карандашом, следующего содержания:

„Новая орфография (Записки корректора)“

Всякое правописание должно дать возможность написать именно то слово, которое хочет написать пишущий.

Это — первое основное условие всякой орфографии.

Между тем новое правописание этой возможности не дает.

Как мне сделать, не вводя новых букв, но выразить 2 разные мысли:

„Общество признаёт то-то...“

и „Общество признаёт то-то...“, одно — теперь, другое — в будущем.

Но и без этого крайнего случая, как выразить: люди всё хотят (число)

люди всё хотят (время)?

„человек признаётся“ и „человек признаётся“. Но как выразить „пóзднее время“ и „позднее“?

„Везти умирающего товарища“ или „вести“. „Развитие міра животных“ и „развитие мира“.

Отчего французы, у которых 36 букв в азбуке (25 букв + â à, é è ê ë, (ciguë), ô, î (jet), ç, ù, û (qu'il sût), — правильно пишут даже крестьяне, даже бедные рабочие в Лионе?

N.B. Новое правописание жестоко уж портит правописание“.

Года полтора спустя после приведенной в начале беседы, уже в Дмитрове, П.А. спросил меня:

— Как вы относитесь к новому правописанию?

— Ничего, Петр Алексеевич. Привыкаю.

— Я тоже, — прибавил он.

Но „привыкаю“ — малая похвала для революции. К старой орфографии мы тоже были привычны. Задача революции не только в ломке старого, но, в бóльшей еще степени, в *улучшении*.

Нет сомнения, что новая орфография тоже нуждается в обновлении. Критические замечания П.А. указывают на некоторые из этих нужных изменений.

Упрощение не всегда означает усовершенствование.

Общительность и Взаимная помощь

При внимательном чтении „Взаимной помощи“ П.А., можно заметить, что автор не проводит строгого разграничения между понятиями *взаимная помощь* и *общительность*. Он часто

употребляет эти два понятия как однозначные, тогда как преобладающее множество наблюдений, приводимых П.А., указывают именно на явления *общительности*, а не *взаимной помощи* в прямом смысле слова. Помощь, оказываемая в животных и человеческих сообществах, не всегда носит характер *взаимности*.

Как-то в беседе с П.А. я высказал ему эту мысль и напомнил в пример приведённое им описание, как стая обезьян спасалась от преследовавших ее охотничьих собак. Один из детенышей отстал, вскарабкался на высокий камень и был окружен лаявшими собаками. Тогда от стаи отделилась старая обезьяна, храбро пошла назад, отпугнула собак, взяла малыша на руки, стала гладить, чтобы успокоить, и не торопясь присоединилась к спасавшейся стае. Очевидно, тут старой обезьяной руководил не расчет на взаимность, а чувство общительности.

П.А. охотно согласился, что слово „взаимная“ не особенно верно передает мысль. „Взаимопомощь уже звучит лучше, но слишком напоминает старославянский оборот речи. Во французском издании он употребил выражение „Entr'aide“ (буквально — „меж-помощь“), хотя такого слова во французском языке нет. Он долго колебался, прежде чем употребить это слово. По этому поводу Элизе Реклю обратился к французскому академику Мишелю Брэзалью и спросил его мнение. Последний ответил, что у Лафонтена всего раз встречается глагол „s'entr'aider“, но считает вполне допустимым употребление существительного „entr'aide“ и приветствует это новшество. После этого отзыва П.А. окончательно решил употребить это слово.

Затем П.А. указал, что особенно грубо звучит немецкий перевод *взаимной помощи* — Gegenseitige Hilfe (подстрочно *супротивосторонняя помощь*).

Отношение к „Почину“

Хотя Петр Алексеевич не принимал прямого участия в редактировании „Почина“, но тем не менее он охотно помогал нам своими советами и критическими замечаниями. Большая половина статей, помещённых в 11 номерах первой серии нашего листка, были просмотрены П.А. в корректуре; в некоторых из них он посоветовал небольшие редакционные изменения и поправки, а статья „Территориальность и анархизм“ была существенно переработана по его указаниям (см. письмо П.А. в предыдущем № „Почина“).

В статьях „Деньги“, „Что делать?“ и „Налоги“ ссылки на слова П.А. сделаны с его предварительного согласия.

Насколько П. А-ча тянуло к деятельной пропаганде, видно из восклицания, которое вырвалось у него после беседы с ним об одном из очередных номеров „Почина“: „Как славно мы могли бы работать вместе!“

Но работать для непосредственной пропаганды значило для П.А. вложить в дело всю свою душу и все силы. При хрупкости его здоровья, став на путь деятельной борьбы, он сгорел бы, как восковая свеча на ветру, не закончив своей главной задачи — разработки основ

этики, которая так жестоко топчется под ногами в нашу эпоху острой борьбы партий из-за власти. Но не одна физическая слабость удерживала П. А-ча от активной пропаганды. В одном из своих писем (к сожалению, изъятом комиссаром одного из московских учреждений во время обыска и не возвращённом, несмотря на формально данное обещание), П.А. высказывает мнение (привожу на память), что „там, где борются две вооружённые силы, третьей нет места“. Он не рассчитывал на осязательные результаты от вмешательства в гражданскую войну одними голыми словами и, опасаясь бесполезных жертв молодых сил, предпочёл молчание. Это молчание иные, желавшие использовать его громадное нравственное обаяние, пытались истолковать как одобрение своей партии.

Воздерживаясь от активной пропаганды, П.А. придавал тем не менее должное значение теоретической разработке практических строительных задач и поэтому интересовался стремлениями „Почина“ в этом направлении. Особое внимание П.А. заслужила статья „Кооперативный общественный строй“ (в № 2). При первой же встрече вскоре после появления этой статьи, П.А. сказал, что собирался написать мне письмо по этому поводу.

Весьма одобрительно отозвался он и о листовке, приложенной к № 3 „Почина“ — отрывке из „Социальн. Осн. Коопер.“ Туган-Барановского (из главы „О коопер. идеале“ в 3-м изд.). В этом отрывке П.А. нашел ценным установленное различие между *правительством* и *правлением*. Последнее П.А. признавал, потому что оно лишено *принудительного, обязательного* характера и не лишает меньшинство возможности, при существенных разногласиях, обособиться.

Просматривая корректуру статьи „Коммунизм и кооперация“ (в № 3), П.А. заметил, что об этом вопросе он не думал.

В связи с этим вопросом я сказал П. А-чу, что намерен написать статью против *безучётного коммунизма*, который многие анархисты проповедают как непосредственно осуществимый идеал. П.А. попросил не делать этого и тут же, с присущей ему беспристрастностью, рассказал, что когда появилась его книга „Хлеб и воля“, Жан Грав ему заметил: „А ведь, Пётр, твой коммунизм без правительства невозможен!“

Но П.А. установил одно из необходимых условий для осуществления коммунизма, которое слишком пылкие его последователи и рьяные противники одинаково упускают из виду. Это — *большая производительность труда*. Без этого рассчитывать на практические плоды от проповеди *непосредственного коммунизма* среди современных нам крестьян, при низком уровне их хозяйственной техники, невозможно. Это поняли также, по горькому опыту, государственные социалисты, когда они стали носиться с *электрификацией*, как с панацеей, единственно способной поднять производительность труда. Они только проглядели, что электрификация ведёт не к их идеалу — технической и организационной централизации производства, а наоборот, к децентрализации, при которой возможны только федеративные объединения на началах свободной кооперации.

Из беседы о „Кооперации, как практическом пути к анархизму“ (в № 4 „Почина“ за апрель 1920 г.), а также из помещённой в этом № посмертной статьи, дружески предоставленной „Почину“ для печатания впервые С.Г. Кропоткиной, видно, что П.А. уже десятки лет тому

назад оценил эту роль кооперации. К сожалению, идейные его противники только после практической, болезненной ломки убедились в том, насколько он был прав.

"Революционная законность"

1922, источник: [здесь](#)

Уже несколько месяцев в советской печати идет обсуждение вопроса о „революционной законности“ и, понятно, торжествует *законность*, как в нравоучительных романах — *добродетель*. Но, к сожалению, в данном споре законность буквально торжествует над добродетелью — над „революционным сознанием или совестью“.

Казалось бы, о чем тут спорить: кто признает власть, тот беспрекословно должен исполнять и все ее веления. Но дело в том, что „революционное сознание или совесть“ тоже нашло свое законное выражение в декрете № 1 о народном суде, а так как совесть ужасная анархистка, пренебрегающая всякими государственными нормами, то отсюда и спор между защитниками *твердых законов* и сторонниками *непреклонной совести*.

Этот спор, несмотря на свою кажущуюся новизну, имеет свой *прецедент*, как выражаются правоведаы, в буржуазной судебной практике. Если не ошибаюсь (я не юрист), по старым законам тоже мировым судьям предоставлялось право выносить постановления, руководствуясь не только буквой закона, но и голосом своей совести. По-видимому, на основании какой-нибудь подобной „неосторожной“ оговорки законодателя, во Франции, в 90-х годах прошлого века, мировой судья местечка Шато-Тьеры по имени Маньян стал выносить приговоры по человеческой совести, чем вызвал переполох в буржуазной печати. Помнится такой случай: перед судом Маньяна предстала женщина, вдова, мать 4-х детей, без средств, за кражу хлеба у булочника. Судья, подробно обосновав свой приговор, нашел, что общество обязано доставлять пропитание всем своим членам, а потому вынес ей оправдательный приговор.

Буржуазная печать заволновалась, завопила о скандале, о нарушении незыблемости законов, о подрыве основ общества. В результате нескольких подобных решений дел по совести Маньян был отставлен от должности.

Вспоминается мне и другой случай, но уже из моей собственной судебно-медицинской практики. Дело происходило лет двадцать с лишним тому назад в Болгарии. Старшина одной затерянной в Балканах деревушки донес властям, что какая-то пришлая неизвестно откуда женщина разрешилась от бремени и удушила ребенка. Командировали следователя для производства дознания. Следователь пригласил меня, как исполнявшего должность околийского (уездного) врача в качестве эксперта. Роженицу мы нашли на окраине деревни в полуразрушенной хижине, у которой одна стена совершенно обвалилась, — за занавеской из каких-то отрепьев. Трое детишек в возрасте от 6 до 10 лет, как спугнутые зверьки,

тревожно разглядывали нас, прячась и выглядывая из-за угла строения. Женщина лежала на земляном полу, рядом — трупик младенца, едва прикрытый какой-то тряпкой. Вся утварь этой семьи состояла из деревянного корытца для теста и глиняного кувшина.

Впечатление было настолько потрясающим, что, когда во время вскрытия я стал умалчивать очевидные признаки убийства, чтобы представить дело в виде естественной смерти плода во время родов, при отсутствии надлежащей помощи, то следователь явно поддакивал мне и искренно был рад представившейся возможности прекратить дело.

Итак, к одному преступлению прибавилось еще два: укрывательство с моей стороны и потворство укрывательству со стороны следователя.

Другого пути не было для спасения нашей совести от законности — для того, чтобы государственное правосудие не отняло у детей более несчастную, чем преступную мать.

Теперь, когда читаешь объяснение автора декрета № 1 о революционном правосознании П. Стучки, что „мы это сделали“ (т.е. писали декрет) „по необходимости, но мы никогда не объявили это правосознание некоторым таинственным источником правды и справедливости“ [Изв. В.Ц.И.К. № 68 (1057) от 25/III 22 г.], то невольно страшно становится за правду и справедливость перед законностью, даже с прилагательным „революционная“.

И все-таки сторонники „революционной законности“ правы. Маньяны — исключение, и совесть судей по назначению, даже по выбору, — если этот выбор не производится самими тяжущимися сторонами, как в третейских судах, — куда как эластична, или тупа. Строгое соблюдение законов, без сомнения, предпочтительнее. Если законы не противоречат совести, как это случается иногда, то легче бывает добиться справедливости; в противном случае, определенно зная, откуда и какая грозит опасность, человек лучше может оградить от государственного правосудия свои интересы и свою совесть, как это мы сделали со следователем, умело обойдя закон.

Только не надо обманываться: законность, даже в сочетании со словом „революция“, не всегда совместима с совестью и справедливостью. Суд может стать неизменно *правым, скорым и дешевым* лишь в том случае, если он *третейский*, если он выбран самими тяжущимися сторонами. Но в таком случае он не может быть „законным“, т.е. считать своей обязанностью исполнение государственных законов.

Только отделение правосудия от государства может дать нам — не „революционную законность“, эти два понятия взаимно исключают друг друга, — а революционную справедливость.

Исповедь

1922, источник: [здесь](#). Газета «ПОЧИН», Кооперация. — Синдикализм. — Этика. № 4/5, 2 серия, март-апр., с. 14-15.

“...Кумир революционной молодежи М. Бакунин, который, как недавно обнаружилось, написал позорную исповедь свою для Николая I и унижительные просьбы о помиловании Александру II !..“

Л. Дейч

(„Н.А. Некрасов и семидесятники“ в № 3 „Пролетарской Революции“, стр. 24, М., 1922 г.).

Если в 1922 году говорят об „Исповеди“, то каждый понимает, что речь идет о так называемой „Исповеди“ Бакунина.

Бакунин, уже несколько лет заживо погребенный в Алексеевском рavelине, а затем в Шлиссельбургской крепости, пишет обращения к своим царственным мучителям — к Николаю I, потом к Александру II.

Когда Бакунин, арестованный в 1851 г. в Хемнице и приговоренный к смерти, под влиянием революционного экстаза и вопреки естественному инстинкту самосохранения, отказывается подписать прошение королю о помиловании, он — герой!

Когда после нескольких лет одиночного заключения в ужасных условиях, экзальтация проходит и в его неистощенном еще для покорной смерти мощном организме пробуждается жажда жизни и деятельности, и он ищет спасения в единственно доступном ему средстве — хитрости, Бакунин низводится с пьедестала.

Как верно передает эту обывательскую психологию армянская поговорка: „поди умри, вернись — полюблю тебя“! Человек должен стать испугительной жертвой, чтобы толпа его оценила.

Еще Иегова запретил: „не сотвори себе кумира“. Кумир можно создать себе лишь в виде какого-то чудища, наделенного неестественными свойствами, а Бакунин был человек, и только человек.

И именно как человек, у которого громче всего звучала струна возмущения против всякого рода насилий и порабощения, заглушая все остальные струны человеческих слабостей, быть может, заложенных в нем, Бакунин дорог нам всем, пробуждающимся от сна Макарам, угнетенным государственной властью.

Благожелательный и любящий друг, В.Н. Фигнер, захотела видеть в т.н. „исповеди“ искренность, объяснимую атавизмом, возвратом к взглядам ранней молодости. Нечто вроде болезненного раздвоения личности, явления, известного современной психологии. Доводы, приводимые ею: содержание переписки с родными из Шлиссельбургской крепости и поведение и образ жизни в Сибири. Но ведь Бакунин знал, что каждая строка его переписки читалась и, по всей вероятности, списывалась, и это должно было именно внушить ему мысль этим путем подкрепить мнимую искренность обращения к царю. А поведение в Сибири — едва ли достаточное подтверждение. Руководить людьми было одной из слабых струн Бакунина.

Куда пронизательнее был Александр II, когда, держа в руке письмо Бакунина, воскликнул, обращаясь к одному из царедворцев: „Mais je n’y vois pas de repentir!“ („Но я в нем не вижу раскаяния!“)

На что, много времени спустя, уже в Лондоне, Бакунин заметил Герцену: „Дурак, он хотел repentir!“ Одно это замечание исключает предположение об искренности в обращениях к царям.

Видеть в этой вынужденной неискренности, в этой тактической лжи по отношению к слепой и грубой силе самодержавия приложение макиавеллистского начала „цели, оправдывающей средства“ едва ли справедливо. В макиавеллизме осуждают агрессивную неразборчивость в средствах. Нельзя применять ту же оценку к вынужденной самообороне, не попирающей интересы третьих лиц. Уж если винить, то заодно обвините в скрытности и лжи умалчиванием или отрицанием арестованных на допросе, тоже преследующих, только пассивно, этими путями известные цели. Или вините в макиавеллизме Галилея, после пыток внешне отрекшегося от своего учения.

Бакунин был человек и мог иметь человеческие слабости, но за „исповедь“ не перед кем ему каяться: ни перед обществом, к которому он не обращался, подобно Белинскому и Некрасову, ни перед товарищами, которым он не изменил, к которым он стремился всей душой.

Как человек, Бакунин умел страстно любить свободу и ненавидеть государственное принуждение, пробуждая дремлющие во всех нас, угнетаемых и обираемых, такие же чувства. В этом главное его общественное значение и за это мы все, млад и стар, его любим, а не делаем из него кумира, как это воображают идолопоклонники государственности, окуливающие фимиамом змеиную мудрость своих „вождей“.

Если „Исповедь“ Бакунина позорна и унижительна, то не для его мощного исторического облика, а для извращающего начала государственной власти.

Всего важнее то, что Бакунин-революционер лишь много лет спустя после „Исповеди“ становится принципиальным анархистом. По-видимому, испытанный нравственный разлад, невольно связанный даже с вынужденной ложью, углубил в его сознании оценку сущности государственной власти. В этом все психологическое и моральное значение „Исповеди“.

Из воспоминаний о П.А. Кропоткине

1922, источник: [здесь](#)

(Речь, произнесенная 13 февраля 1922 г. на общественном собрании, устроенном в память П.А. Кропоткина в школе 2-ой ступени в г. Дмитрове)

Друзья и молодые будущие хорошие товарищи (товарищи в лучшем смысле слова)!

В Москве образовался *Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина*. Хотя я тоже состою его членом, но нахожу, что Комитет очень неудачно выбрал себе название. Никто не может лучше увековечить память П.А., чем сделал это он сам своими трудами и жизнью. Вам нужно только изучать его творения и ближе знакомиться с его жизнью, чтобы воодушевляться его думами и его примером. Поэтому я счел своим долгом принять предложение организаторов настоящего вечера и поделиться с вами своими воспоминаниями о П.А.

Познакомился я с учением П.А. очень давно, в 1890–1891 годах, в юношеском возрасте, когда находился в Швейцарии, в гор. Женеве, где учился медицине. Первым обстоятельным трудом П.А., в котором он излагал свои анархические убеждения, были „Речи бунтовщика“. По прочтении этой книги я стал постоянным читателем еженедельной газеты „La Révolte“ („Бунт“), которую издавал Жан Грав при ближайшем участии Элизе Реклю и в особенности П.А. В те времена в „La Révolte“ печатались ряд статей П.А., которые со временем составили новый том его сочинений — „Хлеб и Воля“. Хотя я ни с одним анархистом не был знаком и находился в эмигрантской среде, в которой в те времена упрочивалось, под влиянием Плеханова, социал-демократическое направление, тем не менее мои анархистские убеждения установились тогда же.

Первым, так сказать, „живым анархистом“, с которым я познакомился и сдружился, был студент-медик П.И. Стоянов, болгарин родом, приехавший в Женеву из Франции, откуда его изгнали за пропаганду.

Обаяние просто изложенной, но прочувствованной проповеди П.А. было так велико, что меня и моего друга Стоянова невольно влекло лично повидаться с ним и мы не преминули осуществить это желание при первой же возможности. Летом 1893 года нам удалось собраться со средствами и поехать в Лондон, где жил П.А. Должен заметить, что нас влекло к нему не одно простое любопытство: годом раньше нами было приобретено немного русского и армянского шрифта и мы хотели посоветоваться с П.А. о предпринятых нами анархистских изданиях. (Продолжать это дело пришлось мне одному, так как тем временем

Стоянова изгнали и из Швейцарии за выступление на одном собрании.)

Виделись мы с П.А. в Лондоне всего раз. О первом моем свидании с П.А. у меня сохранились очень смутные воспоминания. Он жил в предместьи Лондона. Мы поехали к нему под вечер, когда он отдыхал и принимал посетителей. Вспоминается небольшой двухэтажный домик в одну квартиру, кабинет П.А. во втором этаже, весь заставленный книгами, и пишущая машинка на столе. П.А. оказал нам радушный прием, но беседа как-то не клеилась. Он повел разговор о пишущих машинках, которые были тогда новинкой, расхваливал их преимущества и мечтал приобрести себе одну. Машинка, находившаяся у него, была ему кем-то одолжена, а купить у П.А. не было средств: тогда они стоили около 500 франков (200 рублей).

Несмотря на то, что П.А. был перегружен работой, он охотно пошел навстречу нашей просьбе помочь в изданиях и сам взялся перевести на русский язык „Речи бунтовщика“, которые в первоначальном переводе самого автора носили название „Распадение современного строя“.

По возвращении в Женеву я стал получать от П.А. письма с переводами отдельных глав книги. Но так как П.А. был завален работой и перевод затягивался, то, после первых глав, он передал это дело своему другу Черкезову, а сам держал только корректуру.

Набирал я у себя в мансарде (комнатушке на чердаке) и носил готовый набор в частную швейцарскую типографию для печатания. Мне удалось всего издать один выпуск (около ¼) „Речей бунтовщика“, брошюру Бакунина „Парижская коммуна и понятие о государственности“ и несколько других на армянском языке. На большее не хватило средств и времени.

Окончив в 1896 году медицину, мне пришлось с семьей уехать для заработка в Болгарию, а затем в северную Персию, где я пробыл вплоть до мировой войны.

Уезжая из Женевы, я отдал всю переписку с П.А., его переводы, портрет Бакунина с его собственноручной надписью[1] и его же рукописи (переданные мне Элизе Реклю в один из своих приездов в Женеву), известному биографу Бакунина — Максу Неттлау.

С 1896 года по 1917 год я был совершенно оторван от деятельного анархистского движения.

Вспыхнула мировая война. В „Русских Ведомостях“ стали появляться „Письма о текущих событиях“. Я находился в это время на Кавказском фронте, где, под флагом Красного Креста, подбирал на передовых позициях уцелевших сирот вырезанных армян и вывозил их из района военных действий.

Наконец наступила Февральская революция. Телеграммы в газетах разнесли весть, что П.А. едет в Россию, а затем, что он уже приехал в Петроград.

Открывались широкие возможности общественной деятельности. Я стремлюсь к П.А., приезжаю в Москву, направляясь в Петроград, и здесь узнаю, что П.А. сам переселился в

Москву.

Когда в первый раз после долгих лет я явился к нему, он принял меня весьма радушно, дружески обнял, угадав, очевидно, по выражению во мне не чужого человека, и тут же добродушно заметил: „Извините, я вас не узнаю“.

Мудрено было и узнать. Целых четверть века отделяли нас от нашей единственной встречи. Несмотря на столь долгий промежуток времени, обаяние его личности в момент общественного подъема все же привлекло меня к нему с далекого юга.

Чем объяснить это обаяние, которое одинаково ощущали все, читавшие его внимательно, и, в особенности, имевшие личное общение с ним?

Знаменитый венский профессор Нотнагель сказал: „Хороший врач должен быть хорошим человеком“. Эти слова высекали золотыми буквами, после его смерти, на его надгробном камне.

Кропоткин был врачом наших общественных недугов, и хорошим врачом, — в этом вся разгадка того обаяния, которое он производил на всех, даже на своих идейных противников.

Конечно, не один Кропоткин ставил себе задачи общественного врачевания. Кумир нашей правящей партии, Карл Маркс, тоже намечал пути, писал программы для водворения социализма...

Но все учение Маркса основывалось на холодных научных расчетах (правильных или ложных — суть не в этом), нравственное начало в нем было подчинено экономическому фактору, а не преобладало над последним, как деятельная сила более раннего, биологического происхождения, Это отразилось и на вытекавшей из этого учения тактике.

Кропоткин — тоже выдающийся ученый. Когда он сидел в царских застенках, Императорское Географическое Общество издавало его труды; когда его осудили во Франции к тюремному заключению, об его освобождении хлопотал весь западноевропейский научный и литературный мир; долгие годы он заведовал отделом естествознания в лучшем английском научном журнале; его „Взаимная помощь“ по своему научному значению стоит наравне с сочинениями Дарвина; „Поля, фабрики и мастерские“ открывают новый путь для изучения политической экономии, а его исторические исследования о Великой Французской Революции считаются лучшими в этой области. И все же, несмотря на такие научные заслуги, П.А. не подавлял личным авторитетом своих, даже самых скромных, собеседников. Он знал пределы человеческих знаний, и когда ему ставили один из „проклятых“, неразрешенных общественных вопросов, он несплеча, подобно политическим „вождям“, а скромно и запросто ставил себя на одну ногу со своим собеседником и говорил: „Ищите, я сам ищу“. Я привожу его подлинные слова. Творчество масс, „малых мира сего“ не было простой красивой фразой для него.

Другим типом общественного врачевателя является Толстой. Но, в отличие от Кропоткина, Толстой своим отрицанием науки отшатнул от себя людей с научными запросами, хотя бы

даже самыми невзыскательными.

Кропоткин объединяет в себе мощь научной мысли ученого и высоких нравственных начал, признававшихся им не в теории только, но проводившихся неуклонно в жизнь. В этом главный источник его обаяния.

Иной раз мелочи ярче освещают личность, чем пространные, подробные описания. Как-то П.А. попросили хлопотать о получении разрешения на возобновление одного закрытого анархического органа.

— Как же я могу хлопотать о вас одних? А те, *другие*, разве не хотят тоже высказаться?

Он намекал на правые партии. Так как безнадежно было хлопотать об общей свободе печати, то П.А. отказал в просьбе.

В один из приездов П.А. из Дмитрова в Москву, не зная причины его приезда, по обыкновению я зашел к нему на квартиру в Леонтьевском переулке. П.А. был чем-то сильно взволнован и возбужден. Увидев меня, он увел меня во вторую комнату, чтобы нам не помешали говорить, и без предварительных объяснений стал спрашивать, *не осуждаю ли я его?* Постепенно выяснилось, что он виделся с Лениным, что причиной этой встречи послужили расстрелы заложников. В список заложников попал давнишний его друг, бывший эмигрант — 6-ым или 7-ым на очереди. До него были уже расстреляны несколько великих князей.

Я заметил П.А., что не мне судить о его действиях. Но он прервал меня, прося попросту, товарищески высказаться. Тогда я ему ответил, что для спасения жизни осуждённых на смерть я бы одобрил обращение даже к царю.

— Так, значит, не осуждаете, — сказал он с искренней радостью и горячо пожал мне руку.

Меня поразила эта юношеская впечатлительность к мнению одного из своих последователей или, вернее, к общественному — к мнению каждого из нас, как бы безвестны и скромны мы ни были.

Из дальнейшей беседы я узнал, что П.А. сделал больше, чем хлопотал о своем друге. Он старался повлиять, чтобы отменили вообще заложничество и расстрелы. Он напомнил Ленину историю Комитета Общественного Спасения во время Великой Французской Революции, который погубил стольких выдающихся деятелей революции; и что же в конце концов оказалось? В Комитете заседал судья старого режима.

— Я их немного припугнул, — прибавил он с улыбкой.

Вскоре после этого, быть может, в связи со свиданием П.А. с Лениным, было отменено право за местными отделами ЧК производить расстрелы.

Заметьте: П.А. хлопочет о старом товарище, ему наверное с первого же слова обещали бы пощадить его жизнь, но он ставит вопрос шире, он старается спасти всех, а не только

одного близкого человека.

В „Хлебе и Воле“ у П.А. есть глава „Довольство для всех“. Но выше богатства для всех он ставил *справедливость для всех*.

Кто из читавших „Записки революционера“ не помнит, с какой справедливостью он отзывается о людях из самых разнообразных слоев общества, даже о коронованных. Трогательно под пером убежденного анархиста и ветерана революционного движения сочувственные отзывы об императрице Марии Александровне, как о человеке.

С таким же беспристрастием он отзывался о современных политических деятелях — о людях, с которыми идейно он не имел ничего общего. Он считал — мне приходилось слышать это от него самого — и Корнилова, и Керенского, а также Ленина с Троцким, честными людьми. О последних он отзывался так, когда столица еще находилась в Петрограде и всё общество шушукалось об их подкупленности германским золотом.

Заметьте при этом, что Кропоткин не был наивным и доверчивым. Он был убежден, что в поражении России в последней войне с Германией подкуп играл видную роль. В этом его убеждало знание истории. Он слишком хорошо знал безнравственную сущность всякого государства. Никогда большие победы не одерживались без подкупа, говорил он, и приводил пример из русско-турецкой войны 1877–78 гг., когда главнокомандующему, Николаю Николаевичу Старшему, предложили купить Плевну, а он, „дурак“, не согласился, погубив вследствие этого десятки тысяч жизней, и в конце концов кажется (если память мне не изменяет), по словам П.А., ему все же пришлось купить эту победу.

Может быть, кое-кто из присутствующих здесь обратили внимание на одно, с первого взгляда парадоксальное, явление: всеми признанный революционер, П.А. охотно принимает участие во Всероссийском Общественном Собрании, тогда как его голос ни разу не раздался на Всероссийских Съездах Советов.

Он нашел возможным выступить рядом со своими политическими противниками, а не на Съездах более близкой к нему — по крайней мере, в отдаленном идеале — ныне правящей партии. Опять причину этого явления нужно искать в глубоком чувстве справедливости: он не мог говорить там, где были зажаты рты его противников, хотя бы последние находились в самом правом идейном лагере.

Относясь снисходительно и терпимо к своим противникам, тем не менее он болел душой за их ошибки. Когда в Москве в октябре 1917 г. раздались первые оружейные выстрелы партийной войны, П.А. воскликнул: „Это хоронят русскую революцию!“ Заметьте, он это сказал не по адресу ныне благополучно правящей партии, так как тогда не был еще известен исход борьбы за власть: он предсказывал лишь неизбежно пагубные последствия этой борьбы.

Но окончательно ли похоронена революция? Если подрастающие молодые поколения будут вдохновляться нравственными началами, распространявшимися П.А. от частной жизни на политику, революция воскреснет и никакие мрачные новейшие проявления отживающей

государственности не смогут похоронить ее. Ибо не может быть двух мерил нравственности: одно для частной жизни, другое — для политической. Основное правило всякой нравственности — не делать другому того, чего не хочешь, чтобы другие тебе делали — должно быть приложено и к политике. *Не властвуй над другими, если тебе не нравится, чтобы другие властвовали над тобою* — вот вся нравственная сущность личной жизни и политического учения Кропоткина.

Примечания

[1] Портрет был найден в одной мебелированной комнате, в которой, по-видимому, жил Бакунин, и надпись, на французском языке, помеченная 1868 годом, гласила: „Госпоже Монар, в память ее доброго гостеприимства“.

Финансовый вопрос в социальной революции

1922, источник: [здесь](#)

Кто на деле, а не в мечтах только стремится к социальной революции, — кто знает, что не всегда „так было“ и не вечно „так будет“, — кто верит, что лучшее будущее создастся личными усилиями каждого из нас, а не сомнительной мудростью и милостивой волей власть предержащих, — словом, всякий действительный революционер не может не обратить должное внимание на финансовый вопрос. Он неизбежно натолкнется на него именно в момент перехода от слов к делу.

Помнится, как за 4 или 5 дней до Октябрьского переворота, *подготовка которого заранее была известна*, на собрании деятельных анархистов Москвы, в помещении Московского Союза Анархистских Групп в Мароновском переулке, обсуждался вопрос об отношении в назревавшем событиям. Анархисты решили принять участие в революции с целью придать ей глубокий общественный, а именно, экономический характер. Помнится, как энтузиаст из энтузиастов, т. К. Ковалевич, три года спустя столь трагически погибший, развивал проект, как анархисты организуют товарообмен с деревней, как они снарядят поезд с мануфактурой, с железными изделиями — косами, вилами, лопатами и т.д., для обмена на хлеб. Но, смутно чувствуя, что этим задача не будет исчерпана, Ковалевич сам же задал себе вопрос: „Ну, а как быть с деньгами?“, и, не найдя на него готовый ответ, воскликнул, энергично хлопнув ладонью по колену: „Деньги... деньги придется оставить месяца на два, на три!“

Так наивно обошел этот основной вопрос человек, на деле доказавший готовность умереть за свои идеи.

Финансовый вопрос — основной вопрос не только для преуспевания капитализма, но и для успеха социальной революции.

„Одной из самых трудных и неотложных задач для воюющих государств“ — говорил проф. А. Мануйлов на своих лекциях еще во время Мировой войны, — будет, по окончании войны, исправление денежного обращения, расстроенного огромными выпусками бумажных денежных знаков. Решение же этой задачи связано... в конечном итоге с жизнью всего народного хозяйства“.

В России это расстройство денежного обращения, благодаря государственным формам, принятым революцией, проявилось в особенно тяжелой степени. В этом главная причина почему советская власть с такой готовностью согласилась на участие в Генуэзской

конференции. Внешний заем, которого она прежде всего добивалась, очевидно, должен был служить улучшению своего денежного обращения, а не для новых, заранее обреченных на неуспех государственных хозяйственных затей.

Если откинуть пошлую трафаретную дипломатическую игру представителей „больших и малых хищников“ (выражаясь по-русски), собравшихся недавно в Генуе, — игру, едва оживленную участием в ней „восточных варваров“ (выражаясь по-цивилизованному), то в конечном счете окажется, что Генуэзская конференция была созвана именно для решения той самой „трудной и неотложной задачи“, о которой уже несколько лет тому назад говорил проф. Мануйлов.

Так называемое „разрешение русского вопроса“, *действительное признание Советской России*, — не на „клочке бумаги“ только, называемое признанием *de jure*, — состоялось гораздо раньше, со времени перехода советской власти к *новой экономической политике*. Правда, этот переход означал собою другое признание, — признание краха *старой экономической политики*, — но об этом лучше помолчать, чтобы не причинить хлопот тем, кто прочтет эти строки *по обязанности*, раньше всех наших добровольных читателей, — тем более, что „старую“ никто уже не жалеет — ни ее бывшие сторонники, ни еще менее противники.

Но прежде чем хоронить „старую“, справедливость требует воздать ей должное: она была никогда и нигде не виданной по своему размаху попыткой заменить в обширной стране денежное обращение государственным управлением народным хозяйством. Неудача этого великого опыта должна послужить отрезвляющим наглядным уроком не для одних только государственных социалистов, но и для многих анархистов от их хозяйственных иллюзий. Причина этой неудачи коренилась не в блокаде, не в гражданской войне, не в территориальном расчленении России; именно, когда блокада была снята, внутренние междоусобия прекращены, угольные и нефтяные районы воссоединены, обнаружилось даже для самых рьяных государственных коммунистов невозможность установить не только внешний, но и внутренний товарообмен без *мерила ценности*, без устойчивых денег.

Если система государственного „общего котла“ потерпела крушение, то что можно ожидать на деле от той идеалистической системы товарообмена без денег, без счета, меры и весов, которую Кропоткин сам назвал *своей утопией*[1] и которую многие анархисты восприняли в буквальном смысле слова?

Она имеет одно несомненное преимущество перед государственным коммунизмом: это то, что никто ее не станет навязывать народу ни чрезвычайными, ни обычными приемами государственного воздействия. Но это же самое обстоятельство отбрасывает теорию в область умозрительных возможностей. Для анархистов, не ограничивающихся одними мечтаниями, остается стать на практический путь, намеченный гораздо раньше проповеди Бакунина и Кропоткина, здравым смыслом французского крестьянина, ставшего рабочим — П.-Ж. Прудона. Этот путь, названный им „мютюэлизмом“ (от слова *mutuel*, взаимный), по существу является кооперативной теорией. Последняя же, как не раз было установлено ее идеологами, вполне совпадает с теорией современного анархизма.

Заслуга Прудона заключается в том, что он задолго до современной кооперации оценил значение кооперативного (взаимного) кредита в деле обновления общественного строя и установил основное условие этого проявления взаимного доверия — его *беспроцентность*; *даровой кредит* (за исключением небольших организационных расходов) — такова должна быть финансовая основа общественного строя, обновленного социальной революцией. Смысл и значение дарового кредита станет понятнее, если обратить внимание на историческое происхождение процентов. В те отдаленные первобытные времена, когда главное достояние пастушеских народов составлял скот, когда домашние животные являлись своего рода деньгами и служили средством для товарообмена, кредит оказывался в виде скота и возвращался вместе с *естественным приплодом*. Но могут ли современные деньги, современный неодушевленный золотой капитал претендовать на приплод, или проценты, не став тем самым средством для эксплуатации труда? Именно беспроцентностью должна отличаться настоящая кредитная кооперация от капиталистического кредита. Подобно тому как потребительская кооперация торгует не для наживы, а для доставления своим членам предметов потребления по себестоимости, так и кредитная кооперация должна оказывать взаимное доверие без извлечения особых выгод из кредита, нужного для трудового производства или товарообмена.

Но никакая кооперация в современном значении слова невозможна без устойчивой денежной системы. К сожалению, в глазах многих анархистов с понятием о деньгах неразрывно связывается представление об эксплуатации человеческого труда. Они видят в этом испытанном средстве измерять ценности для возможно более правильного товарообмена, одну из главных причин всех общественных зол. Так в отсталых странах, при введении усовершенствованных машин, ремесленники усматривают причину своего разорения в самих машинах и нередко пытаются уничтожить те самые орудия высокой производительности, которые в их руках могли бы стать источником их собственного благосостояния. Пора нам, анархистам, отказаться от подобных упрощенных воззрений на денежное обращение.

Чеканное золото такой же товар, пригодный для товарообмена, как и всякий иной продукт человеческого труда, а потому вся финансовая система, основанная на металлических деньгах, заслуживает полного внимания революционеров для ее использования в деле коренного хозяйственного обновления общества.

То обстоятельство, что государственная власть присвоила монетную регалию и эмиссионное право, превратив финансы в чудовищное орудие для эксплуатации народных масс, должно лишь еще более нас побудить вырвать из ее рук это мощное средство, незаменимое в жизни народного хозяйства и после социальной революции.

Уясним более определенно, что следует понимать под финансами.

Официальные ученые обыкновенно называют этим словом „науку о государственных доходах и их употреблении“ (Леруа Болье) или „исследование способов наилучшего удовлетворения материальных потребностей государства“ (Янжул). Но такое определение, особенно после опытов Октябрьской революции, едва ли правильно. Леруа Болье сам признаёт, что определить, „каковы границы основных задач государства — вещь

затруднительная: ибо нет ни одной из этих задач, которая в некоторых странах и в известное время не была исполняема частными лицами одновременно с государством". Таким образом, границы между государственными и частными доходами и потребностями расплываются. Гораздо правильнее было бы ограничить объем понятия *финансы* и разуметь под этим словом существующую в данной стране денежную систему, которою одинаково пользуются как государственные органы, так и частные лица. То, что до сих пор называют „наукой о финансах“ вернее было бы назвать „наукой о налогах“. Звучит менее красиво, но зато точно.

Чтобы понять истинную причину царящей ныне финансовой разрухи, достаточно бросить беглый взгляд на историю денежного дела. Мировая война и русская революция лишь обострили то, что существовало хронически. Когда читаешь у солидных ученых профессоров, что правильная чеканка монеты, безусловно важная для экономических интересов страны, „может быть достигнута только сосредоточением этого дела в руках государства“ (Янжул), или что „деньги, в их современном виде, являются продуктом... регулирующей и упорядочивающей деятельности государственной власти“ (Мануйлов), а затем, в виде иллюстрации, вслед за этими отзывами находишь в их же сочинениях исторический обзор сплошных злоупотреблений со стороны государственной власти монетной регалией и эмиссионным правом вплоть до современной эпохи, то невольно задаешь себе вопрос: не издевались ли ученые профессора над своими слушателями и читателями?

Было время, когда чеканка денег в разных странах являлась свободным ремеслом. В старой Руси чеканщики назывались *серебренниками* и *ливцами*. По свидетельству проф. Мануйлова, „они чеканили деньги, но были обязаны подчиняться известным правилам и за ними был установлен известный надзор со стороны властей“. А так как в России надзор со стороны государства искони означал налоги, поборы и наталкивание на злоупотребления, то на деле оказалось, что „надзор не был, однако, очень бдительным, и поэтому серебренники и ливцы стали отступать от нормы, установленной законом, и чеканили рубль не из 216 денег, а из большего числа их, уменьшая вес отдельной деньги. В Новгороде скоро стали чеканить вместо 216 денег на рубль 230, 235 и даже 240. Это обстоятельство вызвало среди населения сильное недовольство, приведшее в 1447 году к бунту“, по поводу которого чеканка монеты была объявлена государственной регалией.

Таким образом, понижение ценности рубля серебренниками и ливцами от 6 до 10% (допустив даже, что они это делали из корысти, а не вынуждаемые к тому государственными налогами и чиновничьими вымогательствами) привело к бунту и государство взяло в свои руки дело „упорядочения“ чеканки денег.

Но именно после этого стали проявляться в полном объеме все отрицательные стороны государственной монетной регалии, против которых уже были бессильны народные бунты.

„Когда установилась денежная регалия, — говорит проф. Мануйлов, — то возникло явление, которое при подобных условиях и в соответствующую эпоху наблюдалось во всех государствах: правительство стало стремиться не только упорядочить денежное обращение, но и извлекать из него финансовые выгоды“. Но профессор забыл только

указать, в каком государстве и когда правительство перестало стремиться извлекать из монетной регалии „финансовые выгоды“ (выражаясь попросту, обирать народ)? А самое „упорядочение“ денежного обращения, как выясняется из дальнейшего изложения, сводится к техническому усовершенствованию чеканки монеты, (которое, без сомнения, более успешно было бы достигнуто самими серебрянниками и ливцами), но никогда не проявлялось в бескорыстной *финансовой честности*.

Так, при царе Михаиле Федоровиче вес серебряного рубля был понижен с 16 до 12 золотников, т.е. на 25%. При Алексее Михайловиче был введен рубль в $6\frac{3}{4}$ золотника серебра, т.е. понижение было доведено до 80%. „Вот какое громадное изменение произошло в весе рубля, начиная с момента возникновения его в древней Руси, когда он равнялся 48 золотникам“, восклицает проф. Мануйлов, умалчивая, что в древней Руси полновесный рубль чеканился вольными ремесленниками.

Но уменьшения в весе было мало для правительства. В то же царствование оно решилось на „выпуск низкопробной монеты. Взамен серебряных копеек (постоянной, общеупотребительной монеты с царствования Иоанна IV), были выпущены медные, по нарицательной цене серебра. Последовало несколько выпусков таких медных копеек, причем первоначально ничего чрезвычайного не произошло: народ, еще не разобравшись, в чем дело, доверчиво принимал новые деньги наравне со старыми“ (Янжул). Прямым последствием этих выпусков было необыкновенное развитие подделки монеты, несмотря на страшные наказания: „более 7.000 человек за этот период были казнены смертью, почти у 14.000 лиц были отрублены ноги или руки, масса была сослана в Сибирь“ (Янжул). Так государственная власть расправлялась с теми, кто покушался на ее монополию на выпуск фальшивой монеты. Ничего не изменилось по существу с тех пор.

После неудачи „заставить население забыть о разнице между медью и серебром“, Петр I, наученный опытом своего отца, стал более умеренно извлекать „пользу для казны понижением качества сплава для чеканки, установив 70-ую пробу вместо фактически существовавшей раньше 88-92-ой“.

Преемники Петра также стремились „извлечь из монетной регалии все, что можно было из нее извлечь путем получения максимального дохода от чеканки монеты“, повествует дальше проф. Мануйлов. Но наибольшей разнузданности достигло денежное дело в руках государственной власти со времени введения бумажных денежных знаков при Екатерине II.

С тех пор государственная власть, с поразительной преемственностью в приемах, злоупотребляла эмиссионным правом вплоть до наших дней.

То же самое происходило во всех государствах. Во Франции один король — Филипп IV — получил даже название „фальшивого монетчика“.

Какой вывод должны мы сделать из истории финансового дела?

Вывод напрашивается сам собою. Ясно, что даже социалистические доктрины не в состоянии удержать государственную власть от злоупотреблений своих предшественниц. *Нужно изъять дело чеканки монеты и эмиссионное право из рук государственной власти.*

Утопия ли это?

Не поучительно ли, что это отделение денежного обращения от государственной власти почти осуществлено в Соединенных Штатах Северной Америки — единственной стране, участвовавшей в мировой войне и сохранившей устойчивые финансы?

В европейских государствах „правом выпуска банковых билетов пользуется официально или фактически одно кредитное учреждение (в некоторых странах государственное, в других частное), а в тех странах (например, Англии и Германии), где право выпуска предоставлено не одному, а нескольким банкам, множественность эмиссионных банков существует более на бумаге, чем на деле: один из банков занимает настолько господствующее положение, что остальные являются по отношению к нему незначительными величинами.

„В Америке дело поставлено совершенно иначе. Там, напротив, существует система широкой децентрализации. Кроме того, банковое дело в Соединенных Штатах поставлено исключительно на почве частной инициативы... Правом выпуска (банковых билетов) пользуются 7.300 банков, которые носят название „национальных“. Все эти банки исключительно частные, основанные на акционерном капитале. Закон, регулируя размеры этого капитала, устанавливает минимум его в зависимости от числа жителей тех городов, в которых находится банк. В городах с числом жителей до 3000 капитал национального банка должен быть не менее 25.000 долл. (около 50.000 тыс. руб.), в городах до 6000 жителей не менее 50.000 тыс. долл. и т.д. Насколько национальные банки невелики, видно из того, что 30% общего числа их обладает капиталом менее 50 тыс. долл. ... Каждый национальный банк имеет право выпускать банковые билеты, но максимальная сумма билетного обращения банка ограничена суммой его акционерного капитала“ (А. Мануйлов, „Учение о деньгах“, стр. 157).

Можно подумать, что американская буржуазия усвоила идею Прудона, приспособив ее к своим интересам и заменив название „народный банк“, предложенное Прудоном, словом „национальный“.

В применении к анархистским финансовым требованиям американская система означала бы:

- 1) как вольную чеканку монеты, так и эмиссионное право осуществляют более или менее многочисленные первичные кооперативы или местные Союзы кооперативов;
- 2) денежную систему, нормы и гарантии денежного обращения устанавливают кооперативные съезды и осуществляются по их директивам Советом Кооперативных Съездов;
- 3) моральный вес Съездов и их Советов будет вполне достаточен, чтобы установить в стране однообразное денежное обращение и обуздать, если сразу не вполне вытеснить, частно-

капиталистические банковые предприятия;

4) кооперативные „народные банки“ могут обеспечивать свою эмиссию (аналогично тому, как это делается в Соединенных Штатах) не только звонкой металлической наличностью, но и разными имущественными ценными документами; и,

5) техническое осуществление вольной чеканки монеты и экспедиции *народных* (бывших *государственных*) бумаг переходит в фактическое управление финансового отдела Совета Кооперативных Съездов.

Таков единственный *самостоятельный* путь для серьезного финансового оздоровления революционной России.

Нужно поспешить вступить на него, пока разные междугосударственные конференции не навязали нам под видом внешних займов или иным образом волю „консорциумов“ капиталистических банков.

Революции совершаются не только на баррикадах. Здоровые финансы не менее необходимы для успеха социальной революции, чем вооруженная борьба.

Примечания

[1] В предисловии к книге Пато и Пуже — „Как мы совершили социальную революцию“.

Налоги и революция

1922, источник: [здесь](#).

„Борьба между стремлением государства брать больше и стремлением подданных давать меньше — проходит решительно через всю финансовую историю европейских народов с различными результатами“. Этот исторический закон, открытый проф. И. Янжулом, так сказать, невзначай, — он напечатан в его „Основных началах финансовой науки“ (3-е изд., стр. 208) мелким шрифтом, как нечто второстепенное, — имеет весьма важное значение для понимания тех обостренных периодов борьбы подданных с государством, которые называются революциями.

„Французская революция 1789 года, — свидетельствует тот же автор, — одной из важнейших причин своего возникновения имела непомерное отягощение народа различными поборами в пользу фиска“.

Так как всякая более или менее значительная и длительная война вызывает истощение материальных средств государства и увеличение налогового бремени, то отсюда понятно, почему за большими войнами столь часто следуют революции в странах, терпящих поражение и тем самым теряющих кредит, дающий возможность государству смягчать тяжесть налогов их рассрочкой на более или менее длительный промежуток времени.

Так было в России в 1905 году, то же самое повторилось в феврале и в октябре 1917 года.

Лучшее средство для предупреждения революции, или для ее подавления, это — открыть для пошатнувшегося правительства достаточный кредит.

С другой стороны, нет сомнения, что большинство политических свобод, которых добиваются революциями, направлены к тому, чтобы дать возможность подданным — устной и печатной критикой, агитацией, вольными соединениями в общества и союзы, — лучше бороться с государством за уменьшение налогового бремени.

Можно даже безошибочно утверждать, что идеалом всякой народной революции является сокращение налогов до высшей степени, вплоть до их сведения на нет.

Исход революции, поэтому, нужно оценивать не по трескучим фразам политических деятелей, захватывающих власть, и не по многообещающим законам, а по степени действительного уменьшения налогов.

Великая Французская Революция велика не столько „декларацией прав человека и гражданина“, сколько отменой самого чудовищного из налогов — соляной монополии и целого ряда других вопиющих поборов.

Революция, ставшая на путь увеличения налогов, клонится тем самым к вырождению.

Что представляют из себя налоги?

„Каждый общественный писатель подменивал своими личными фантазиями наблюдение явлений, — отвечает на этот вопрос Леруа Болье. — Налоги просто-напросто дань, то явная, то скрытая, которую общественная власть требует от жителей или с имущества, чтобы покрыть расходы правительства. Хороши ли эти расходы или плохи, правильно задуманы или нет, делаются ли они для пользы всех или для выгод небольшой кучки, эти различия могут иметь хозяйственные и общественные последствия, но они ничего не меняют в материальной сущности налога. Рассматривая, например, такое государство, как Турция, где почти вся выручка от налогов идет на уплату иностранным кредиторам и на содержание роскоши двора, скажут ли, чтобы подданные Оттоманской Империи не платили налоги, потому что они не пользуются, так сказать, суммами, которые правительство требует с них? Это оскорбило бы здравый смысл, или извратило бы французский язык, если не давать название налога всякой правильно взыскиваемой подати с жителей или с имущества для расходов правительства установленными в стране властями“ (Traité de la science des finances, P., 1896, 5-me éd., p. 148).

После столь беспристрастной и до циничности откровенной оценки сущности налогов корифеем так называемой „финансовой науки“, как мы далеки от определения, данного налогам Адамом Смитом, Рикардо и последующими экономистами будто „налоги, это доля расходов на общественные службы, требуемая с каждого гражданина“, — определение, под которым с поразительной непоследовательностью подписывается и сам Леруа Болье (упом. соч., стр. 147).

Налоги взыскиваются, следовательно, для расходов правительства, каково бы оно ни было. И, очевидно, эти расходы никогда не бывают ни хороши, ни правильно задуманы и не делаются для пользы всех, что подданные, с непреложностью природных законов, постоянно борются за их уменьшение.

„Если бы мы имели время и возможность бросить взгляд на общую финансовую историю европейских стран, то увидели бы, какие разнообразные злоупотребления, какие нарушения выгод различных классов народа, какие ошибки в экономической политике могут быть следствием неумелой или ошибочной организации налогов. Революции, войны, междоусобия за последние два столетия бывали очень часто вызваны ни чем иным, как непосильною тягостью и неравномерностью налогов; история представляет массу случаев, где под влиянием дурной налоговой системы одни государства быстро приходили к упадку своей промышленности и политической самостоятельности, как другие — массой акцизов тормозили развитие своей экономической жизни, как третьи — своей нерасчетливой политикой в духе крайнего фритредерства или, наоборот, слепого протекционизма разрушали туземную промышленность и подрывали народное благосостояние; словом, много бы пришлось потратить времени для того, чтобы дать хотя бы беглый очерк тех бедствий, которые были вызваны этим источником финансового хозяйства“.

Порядок взимания налогов изменился, но сущность их осталась та же.

„Вообще в разных странах облагали некоторые товары, почти везде одни и те же, — говорит Леруа Болье, — просто-напросто потому, что они потреблялись в очень большом количестве и притом их легко было настичь фиску: вот две причины, по которым были введены и сохранились налоги на некоторые продукты. Это особенно верно по отношению к соли, которую можно добывать только при определенных условиях, или на берегу моря, или в копях; это верно по отношению к сахару, который некогда производился вне пределов Европы; это также относится к табаку, который экзотического происхождения. К этим соображениям примешивают иногда другие, как вредное действие некоторых предметов потребления на здоровье или на общественную нравственность, например, табака и водки; законодатель в таком случае выставляет себя стражем гигиены и нравов. Но эти соображения имеют очень второстепенное значение, они выдвигаются после установления налога: законодатель ими пользуется, чтобы скрыть грубый факт, а именно, что эти продукты были обложены просто потому, что природа их производства давала фиску возможность легко их настичь“ (упом. сочин., стр. 762–763).

„Косвенное обложение представляет почти единственное средство — пишет тот же буржуазный автор с присущей ему откровенностью, — извлекать сколько-нибудь значительные налоги у малоимущих и у рабочего люда“ (там же, стр. 363).

Если обложенный косвенными налогами продукт „составляет предмет первой необходимости, то... как показывает статистика, бедные классы потребляют таких предметов больше, нежели классы богатые, отчего происходит обратная пропорциональность обложения“, — подтверждает и развивает тот же взгляд французского экономиста проф. Янжул (упом. соч., стр. 358).

А так как косвенные налоги вводятся именно на продукты широкого потребления, потому что только в этом случае они могут дать значительные доходы (что составляет цель всякого налогового обложения), — и если учесть факт, что доходы от косвенных налогов в разных странах обыкновенно в 2–3 раза превышают прямые налоги (в России они давали в 5 раз больше прямых), то станет ясным, что теперь, как и до Великой Французской Революции, вся тяжесть налогов в конечном счете ложится на бедный, живущий своим трудом люд, на черную кость.

После всего изложенного понятно, почему „всякой системе мало-мальски значительных налогов, — по признанию того же буржуазного экономиста Леруа Болье, — присуща неустранимая доля неравенства, произвола, притеснений“ (упом. соч., стр. 302).

Мало того. Произвол, притеснения и неравенство составляют самую сущность налогов. Те, кто усматривают „высшие цели“ существования государства в содержании общественных служб и этим обосновывают ее право взыскивать налоги, следовало бы обратить внимание на то явление, что действительно полезные общественные службы не только не содержатся за счет государства, но сами являются источником доходов для него. Таковы, например, почта, телеграф, железные дороги, выпуск денег; даже средняя и высшая школы во Франции приносят государству доход.

Если правительства все свои доходы из разных источников сливают в общее казначейство и затем составляют роспись расходов (при чем на действительно общепользные нужды, как народное просвещение, выделяют сравнительно ничтожную долю из общей суммы), то это делается единственно с целью скрыть от плательщиков налогов, под предлогом общественных служб, ... расходы в пользу частных, партийных и классовых интересов.

Общественные службы не были созданы государством, чтобы в них видеть „высшие цели“ его существования. Государство лишь завладело ими из корыстных видов или для укрепления своего могущества, причем более или менее извращало их начальные задачи и мешало их свободному развитию.

Зарождение общественных служб не только предшествовало государству, но восходит к возникновению общительности вообще. Зачаточные виды удовлетворения общих потребностей совместными усилиями, т.е. общественных служб, наблюдаются во множестве в животном мире.

Объединения их для самообороны, для добывания пищи, для игр, для забот о потомстве общеизвестны и до бесконечности разнообразны; караваны четвероногих и птиц для переселений и перелетов организовывались задолго до наших железнодорожных поездов.

Типичный пример удовлетворения общих потребностей совместными усилиями приводит Кропоткин из жизни пеликанов; „эти неуклюжие птицы проявляют замечательную организацию и смышленность. Они всегда отправляются на рыбную ловлю большими стаями и, выбрав подходящую губу, составляют широкий полукруг, лицом к берегу; мало-помалу полукруг этот стягивается, по мере того, как птицы подгребаются к берегу, и, благодаря этому маневру, вся рыба, попавшая в полукруг, вылавливается. На узких реках и на каналах пеликаны даже разделяются на две партии, из которых каждая составляет свой полукруг, и обе плывут навстречу друг к другу, совершенно так же, как если бы две партии людей шли навстречу друг к другу с двумя длинными неводами, чтобы захватить рыбу, попавшую между неводов. С наступлением ночи пеликаны улетают на свое обычное место отдыха — всегда одно и то же для каждой отдельной стаи — и никто никогда не видал, чтобы между ними происходили драки из-за того или другого места рыбной ловли, или места отдыха. В Южной Америке пеликаны собираются стаями до 40.000 и до 50.000 птиц, часть которых наслаждается сном, в то время как другие стоят на страже, а часть отправляется на рыбную ловлю“ („Взаимн. Помощь“, М., 1913, стр. 27-28).

Тут мы видим пример организации трех общественных служб: общественного питания, соблюдения общественного порядка и охраны общественной безопасности. Подобные наблюдения над зарождением общественных служб и общественного порядка у животных можно было бы умножить до бесконечности. Они доказывают, что подобно тому, как „общество не было создано человеком; оно предшествовало человеку“ (Кропоткин, упом. соч., "стр. 49), так и общественные службы не были созданы государством, они предшествовали ему.

То, что является отличительной чертой объединения личных усилий для создания общественных служб при зарождении последних у животных, это — добровольный и целевой характер. Животные не неволят друг друга к участию в общей самообороне, к добыванию пропитания совместными усилиями, к общим играм и совместному воспитанию потомства, к передвижению стаями или стадами. Те же свойства присущи общественным службам в человеческих обществах до утверждения в них государственного начала.

Налоги, или, вернее, взносы на общепользные нужды, вначале носили добровольный и целевой характер и испрашивались королем у сословий; „...они всегда имели назначение для известной, определенной цели и утверждались на короткий срок“ (Янжул). О „суверенности“ современной государственной власти не было и помину. Сословия, т.е. организованные в профессиональные союзы классы, могли отказаться от предлагаемых услуг военного цеха с королем или князем во главе, и не платить испрашиваемых средств. Тогда не существовало еще безраздельного господства военного цеха над всеми остальными сословиями, переродившееся с течением времени в то, что называется теперь государственной властью. Современное государство претендует облагодетельствовать плательщиков налогов помимо их воли, иначе нельзя объяснить ни принудительность налогов, ни ту упорную борьбу между стремлением государства брать больше и стремлением подданных давать меньше, историческую закономерность которой выявил Янжул.

Если „налоги, это доля расходов на общественные службы, требуемая с каждого гражданина“, то из этого логически следует, что все общественные службы должны быть одинаково доступны для всех и стать бесплатными. Ведь нельзя же вторично требовать плату за то, что уже раз оплачено.

Этот строго последовательный, но утопичный по своей оторванности от действительности, вывод сделала Октябрьская революция, начав проводить в жизнь бесплатность почты, телеграфа, железных дорог, трамваев, жилищ, освещения, отопления, одежды, вплоть до питания. Государственный коммунизм, это — доведенное до своих конечных выводов начало монопольного права государственной власти на общественные службы, — право, признаваемое за ней решительно всеми политическими партиями. Несправедливо, поэтому, умалять значение после-октябрьских коммунистических мероприятий, приписывая их происхождение исключительно военной обстановке, как это теперь делают многие официальные публицисты. Над Октябрьской революцией парил возвышенный идеал государственного коммунизма, — идеал, лелеянный долгими годами социал-демократической пропаганды. Если государственно-социалистические иллюзии разбились о действительность, то нужно иметь мужество признаться в этом. Весь грех правящей партии заключается в том, что она уверовала в „высшие цели существования государства“ и попыталась претворить это в жизнь.

Между бесплатностью общественных служб для всех и всеобщей трудовой повинностью и продрозверсткой была тесная и неразрывная связь. „Если все граждане одинаково пользуются выгодами общежития, то справедливость требует, чтобы и лишения, жертвы, которые они приносят государству, распределялись между ними равномерно“. Именно это справедливое положение, проповедуемое даже не социалистом проф. Янжулом (упом. соч.,

стр. 214) Октябрьская революция пыталась провести в жизнь.

Прежде всего, подобно Великой Французской Революции, она упразднила все косвенные налоги, как самые несправедливые, так как они, как мы видели выше, обратно пропорциональны достатку плательщика. Затем Октябрьская революция провела в жизнь самую справедливую систему обложения, признаваемую всеми передовыми экономистами — прогрессивно-подоходный налог, доведя его до предельных размеров, до отбирания всех „излишков“. Ибо, „из двух вещей одно: или прогрессивный налог должен настолько быстро увеличиваться, чтобы поглотить весь мало-мальски значительный доход; или же он должен увеличиваться медленно, и в таком случае это — налоговая игрушка, своего рода ванька-встанька, которым, по выражению Прудона, забавляют народ“, говорит Леруа Болье (упом. соч., стр. 183). Октябрьская революция не захотела забавлять народ и провела налоговую разверстку вплоть до отбирания мало-мальски значительных доходов.

„Проведя начало прогрессии до конца, мы, конечно, дойдем до отрицания труда и собственности“, — пишет проф. Янжул, сам сторонник этой налоговой системы, — „до отрицания, имевшего место в учениях социалистов и республиканцев первой французской революции. Так, в эпоху террора в 1795 г. Робеспьер, незадолго перед своим падением, издал закон, по которому доход в 1.000 фр. составлял минимум, свободный от обложения, доходы до 10.000 фр. подлежали прогрессивной подати, сверх же 10.000 фр. весь излишек конфисковался в пользу государства“ (Упом. соч., стр. 220).

Таким образом, система отбирания „излишков“ находит свое теоретическое обоснование у экономистов, признающих государственное начало, она имела прецедент в Великой Французской Революции и является логическим выводом из теории государственных налогов. Это — самая справедливая система налогов. Если же на деле теория оказалась . . . . .
. . . . . насилием, то в этом нужно винить не людей, искренно стремившихся из центра провести ее в жизнь, а самую сущность принудительных налогов.

При старой экономической политике большевизм был *enfant terrible*, дитей-проказником государственной идеологии, и не буржуазным политикам сетовать на людей, осуществлявших идеал государственности.

Потерпев крушение на попытках организовать общественные службы на самых справедливых началах, — т.е. бесплатности и общедоступности, — и провести в жизнь самую справедливую систему налогов — полную отмену косвенных обложений и строгое проведение прогрессивно-подоходного налога, — Октябрьская революция повернула свой ход на проторенный путь современной, исторически сложившейся государственности.

Современные же государства, пишет Леруа Болье, „калеки, которые могут двигаться лишь на двух костылях: на прямых и косвенных налогах“ (упом. соч., стр. 364). Наше социалистическое государство подобрало эти два костыля, один из которых оно так неосторожно отшвырнуло от себя, и поплелось по извилистому пути эволюции.

Это-то и называется новой экономической политикой.

Чтобы стать на прямой путь революционного развития, нужно, следовательно, отбросить все прямые и косвенные налоги, с присущей им „неустранимой долей неравенства, притеснений и произвола“ и перейти к добровольной, кооперативной организации общественных служб. Но тогда государство, потеряв всякий предлог для своего существования, должно будет исчезнуть. А „пока государство, вооруженное налогами, будет существовать, освобождение пролетариата не сможет совершиться никаким образом — ни путем реформ, ни путем революции. Потому что, если революция не раздавит это чудовище, то она сама будет им задушена, и в таком случае она сама очутится на службе у монополии, как это случилось с революцией 1793 года“ (П. Кропоткин, „Современная наука и Анархия“**).

- Читатели сами поймут, что ссылаясь на этот факт, мы не имеем в виду дискредитировать советскую власть, которая с достойной похвалы откровенностью признает в официальном органе недочеты системы.

** Нужно надеяться, что русская революция учтет в конце концов это предупреждение нашего учителя.

К положению анархистов в России

1922, источник: [здесь](#)

Советская Россия единственное в мире государство, где анархизм — отсутствие государственной власти — признан *официально* идеалом общественного развития. Это принципиальное признание не только вписано в основные законы страны, но и выразилось в постановке самим государством, по собственному почину, памятника Бакунину, в присвоении одной из главных улиц столицы имени Кропоткина и ряде других внешних утверждений родства социализма с анархизмом. Знаменательное обращение председателя В. Ч. К. к бутырским анархистам со словами: „вы наши наследники“ еще более оттеняет принципиальное отношение правящих кругов к анархизму.

С другой стороны, ни в одной стране анархистское движение не дало столько же сотрудников власти — лиц, содействовавших „русскому опыту“ (как называют за границей советскую систему), как в России. Речь не о ренегатах анархизма, а о тех анархистах-согласителях, которые формально сохраняют свои идеологические позиции и в то же время обслуживают советскую власть. Достоинно внимания, что этой точки зрения держались, *за редкими исключениями*, почти все русские анархисты во время Октябрьской революции и в первое время после нее.

Казалось бы при таких взаимоотношениях анархизм в советской России должен был бы пользоваться особенно благоприятными условиями для своего развития. На деле оказалось обратное. Никогда слова Кропоткина: *прогресс в человечестве неразделен; он возможен только тогда, когда он схватывает всех*, не находили себе более яркое подтверждение.

Мы не имеем в виду в настоящей беглой статье дать полную оценку положения анархистов в России; при всем нашем желании это едва ли было бы возможно.

Борьба между сторонниками власти и анархистами неизбежна. Действительность рассеяла многие иллюзии, и ряды советских анархистов все более и более редуют.

Мы бы только хотели, чтобы эта борьба носила более современный, более культурный характер. Россия, при всей своей отсталости, не страна краснокожих, где, по горькому ироническому замечанию Кропоткина, люди доказывали бы свою правоту томагавками. В наше время тюрьма и ссылка, в ответ на свободно высказанное мнение, не лучший прием воздействия, чем удар дубиной. 300 лет тому назад Галилея бросили в тюрьму, подвергли пыткам и унижениям за то только, что он осмелился открыть на созданном Творцом солнце пятна. Неужели мы, анархисты, не имеем права, не рискуя своей свободой, находить, что и

на „советском солнце“, деле человеческих рук, тоже имеются пятна, много пятен?

Руководители власти, провозглашающие наш идеал своим конечным идеалом, прекрасно отдают себе отчет в нашем праве на критику и искание иных, лучших путей для революции. Пусть они используют свою хваленую партийную и служебную дисциплину для того, чтобы призвать к порядку не в меру усердных исполнителей своей воли... Другой товарищ из Иваново-Вознесенска спрашивает: „имеют ли право местные власти отбирать анархистскую литературу старого и нового издания, как брошюры, так и капитальные труды, которые у вас в Москве свободно продаются, а у нас воспрещается в личных библиотеках их иметь и при первом обыске все конфискуется?“

Не наступило ли время перейти к соблюдению революционной справедливости, не доводя молодых товарищей, особенно в провинции...